

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Геля Антон Николаевич

Второе рождение

роман

Антон Геля
Второе рождение

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Геля А. Н.

Второе рождение / А. Н. Геля — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Главный герой - вымышленный персонаж, обладающий набором черт реального прототипа, - живёт тусклой и унылой жизнью, находится в длительной депрессии. Случайно он оказывается в обстоятельствах, где получает шанс начать жить иначе. Описаны этапы его перерождения, реальные переживания. Все описанные истории, в которых происходит перерождение, реальны. Все персонажи – настоящие. Все события происходили в разных местах в разное время, но для удобства описаны как произошедшие в период трансформации. Содержит нецензурную брань.

© Геля А. Н., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть I. Знакомство с собой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Моей любимой маме, Геля Ольге Анатольевне, приучившей меня читать, и самостоятельно думать, посвящается.

Неудачная жизнь, отсутствие успехов – не приговор. Любой день хорош для того, чтобы начать жить иначе, чтобы приобрести новые навыки, обрести друзей, взглянуть на свою жизнь по новому, начать делать то, чего раньше не делал. Измениться самому и изменить мир вокруг себя. Задуматься над тем, что и как делать, начать всё делать с умом.

В книге описаны только настоящие события, истории настоящих людей – как иллюстрация перерождения одного человека, полностью изменившего свою жизнь в наши дни.

Все персонажи настоящие. Все истории происходили с разными людьми, в разное время, в разных местах. Все истории с указанием точных мест и фамилий происходили именно там, где описано и с теми, кто указан.

Часть I. Знакомство с собой

Мартовский Вологодский снег был по-весеннему тёплым. Тёплый мягкий снег при лёгком морозе. Странное словосочетание для не знающего. Но те, кто долго живут в снежных широтах, знают, что когда идёт снег – это тепло. Да, бывает снег злой, холодный, колючий, с ветром и метелью, с градинками, как дробинами. У народов крайнего севера существует более сорока определений снега и льда разного вида. Но этот мартовский снегопад был по-весеннему тёплым. Отдельную снежинку можно было наблюдать несколько десятков метров, пока она опускалась на землю. И за это время она ни на сантиметр не отклонялась в сторону. Тяжёлые тучи висели сразу над крышами, чуть выше антенн пятиэтажек. В голову лезли самые разные мысли вместе с неуместными воспоминаниями...

Подставляя лицо таким непривычным снежинкам, Виктор с досадой и стыдом вспоминал те длинные блёклые дни, когда большую часть времени он просто сидел и отчаянно тосковал. Уныло и тускло было всё его существование. Он знал, что надо что-то делать, что-то менять, куда-то ходить, но что именно надо было делать – он не знал. В этой странной тоске дни проскакивали коротко и незаметно, безрезультатно, бессмысленно. За весь день Виктор успевал только несколько раз без желания поесть, иногда сходить в магазин, посмотреть два-три фильма.

Не испытывая физического утомления, подолгу не мог уснуть. Лежал в кровати, старался уснуть, но не мог. Засыпал незаметно уже с рассветом, просыпался поздно, после полудня, с тяжёлым чувством, как будто убил человека. С трудом заставлял себя вставать, в надежде, что этот день, оставшаяся его часть, будет лучше, чем прошедшие, что само по себе что-то произойдёт, случится, и он вырвется из этого бессмысленного состояния... Но день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем ничего не происходило.

Долги за коммунальные услуги росли по экспоненте в геометрической прогрессии. Случайных мелких заработков хватало на дешёвую еду и дешёвое паршивое пиво с мыльным вкусом.

Что-то надо было делать. Но с каждым днём сил что-то делать становилось всё меньше. Лень, тяжелейшая прокрастинация стала очень серьёзной проблемой. Непонимание смысла своего существования угнетало.

Сегодняшняя рефлексия не последняя, но с каждым разом она будет даваться всё легче. Она уже не мешает, не угнетает, не «вымораживает». Она просто есть. Возможно, со временем вовсе отпадёт, как отпали бессмысленные рассуждения о смысле существования и несовершенстве мира.

На контрасте с плаксивой рефлексией способность совершить решительное действие давало чувство превосходства над окружающими.

* * *

Виктор сильным, стремительным шагом вышел на тротуар с тропинки, отбросил под дерево веточку, которой прометал свои следы, которые и так занесло бы снегом, и с чувством свободы внутри пошёл к машине, которую оставил на парковке около торгового центра. По дороге до машины во дворах многоэтажных домов Виктор два раза сменит обувь. Один раз переоденет шапку. Один раз снимет верхнюю лёгкую серую накидку, повторяющую форму верхней одежды. Сменную одежду сожжёт в печи старого деревянного дома в деревеньке за 21 километр от Вологды. А потом навсегда уедет туда, где тепло.

Он сделал этот шаг. Теперь он мог всё. Виктор знал, что будет дальше. А другие не знали. Это оказалось так просто, так очевидно. Удивительно, как он не додумался до этого раньше. Удивительно, что все вокруг не додумываются до этого каждый день. Теперь, когда сделан этот шаг, выполнен последний пункт этого плана, пора реализовывать новый. Осознание собственных сил придавало спокойной уверенности.

Вопросом Родиона Раскольников «тварь я дрожащая или право имею» Виктор не задавался. Давно не задавался. Он задавался только одним вопросом: что делать с трупом?

* * *

К этому вопросу и ответу на него Виктор пришёл не сразу. Долгие недели бессильной злобы отравляли существование, доводя до депрессии. Теперь это казалось странным, что тогда он мог себе позволить уныние...

– Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи, – пришепётывая и картавя сказал Виктору человек в грязных резиновых сапогах 10 августа в 12 часов 35 минут. Как-то его представили перед выездом, но его имя, как и имена других своих попутчиков, он, разумеется, сразу забыл. По дороге на раскоп в автобусе Виктор спал, а когда приехали и начали разгружать автобус, пошёл дождь, поэтому сейчас он сгорбившись сидел на облезающем осиновом бревне под протекающим, наспех криво натянутым брезентовым тентом и, глядя в землю, видел только вымазанные свежей глиной резиновые сапоги говорящего, которого помнил только по характерным дефектам речи.

– Ау-у, товарищ! – не унимался шепелявый, – тут все работают. Не рановато задемпбелевал?

Отвечать не было сил. Да и что тут скажешь? Виктор молча продолжал сидеть без движения. Перед лицом мотнулась рука в перемазанной глиной белой рабочей перчатке с синими резиновыми пупырышками. От перчатки в лицо отскочили мельчайшие капельки грязной воды. Виктор дёрнулся, моргнул, мотнул головой, взмахнул перед собой руками.

– Паралича нет, – констатировал картавый. – Айда трудиться. Вставай ты уже с этого бревна! Пошли, пошли!..

Виктор нехотя встал, преодолевая привычную, такую родную слабость во всём теле и тут же резко выгнулся: погрузившись в самосозерцание, он совсем забыл, что в криво натянутом тенте могла скопиться вода. А она там скопилась. И когда Виктор упёрся головой в брезент – по всей голове за шиворот и за пазуху протекли противные ледяные струйки.

– Фу, блин! Зараза! – Виктор ледяными руками оттирал струйки воды с лица. Угораздило же его согласиться на эту поездку. Там будет хорошо, убеждали его. В экспедиции классно, говорили все, кто устраивал его в эту поездку. Пока что он ничего классного не видел. Больше шести часов трястись в автобусе, из них почти два часа по корягам сквозь лес, потом таскаться непонятно зачем с лопатами, мешками, коробками, ещё и под мерзким ледяным августовским дождичком. Вся одежда на себе и в сумке наверняка промокла. Если бы не обещанная плата – никогда бы не поехал! А эти все как идиоты, радостные, что приехали. Этот картавый раскомандовался.

«Не буду я ничего делать!» – решил зло про себя Виктор. «Вам тут хорошо – вы и делайте!». И опять сел на бревно.

– Мужик, как там тебя, сейчас остаток воды на тебя вылью – неожиданно чётко и тихо сказал картавый в грязных сапогах. Это была неприкрытая угроза.

«Че-е-его-о-о?! Я тттебя...» – начал поднимать глаза Виктор и запнулся в мыслях. Потому что расшибся об этот взгляд. Поверил выражению лица. Опустело внутри что-то, сжалось. Этому взгляду хотелось подчиниться. И что-то ещё...

– Да иду я... – отстранённо произнёс Виктор не своим голосом и встал под дождик, стараясь справиться с наваждением.

Картавый чуть отвернулся, смахнул с носа каплю дождя, вернулся взглядом другого, спокойного лица.

– Как тебя величают?

– Витя.

– Я – Анатолий. Задача тебе, Витя: костры разводить. Вон туда к девочкам идёшь, два костра делаешь, потом поступаешь в распоряжении девушки Кати и девушки Ани. Они тебе ещё задачи нарежут. Вопросы? Нет вопросов, давай, сделай там всех...

Анатолий отвернулся и пошёл к автобусу, около которого, прикрытые полиэтиленом всё ещё громоздились кучи палаток, спальников, мешков, коробок.

Этот первый диалог с Анатолием намертво врезался в память Виктора. До мельчайших подробностей. До мельчайших ощущений.

На неверных ногах Виктор подошёл к суетившимся около горки коробок девушкам. Их было трое. В бесформенных, набухших от воды брезентовых штормовках особи женского пола растягивали полиэтиленовую плёнку между деревьями над местом своего пребывания.

Виктор встал рядом, не зная, как сообщить о своём присутствии. Невольно засмотрелся на процесс привязывания плёнки к деревьям.

Плёнка была грязная, в дырочках. Верёвки, которыми она крепилась к деревьям, были грязными и мокрыми. Внутренняя тоска сдавила внутренности, появилось чувство отвращения и жалости к себе, что придётся вот так тут находиться, в этих каторжных условиях. Захотелось сбежать.

– Не могу сидеть, когда другие работают – пойду постою, да, Витя? – опять возник голос Анатолия, который принёс две намокшие коробки с тушёнкой. – Дамы, кто тут из вас кто? Я вам бойца-кострагора надыбал, распорядитесь.

– Давно уже пора, вообще-то, – недовольным, тонко-мультишным голосом отозвалась одна из девушек. – Ну, дак, чего стоим? Кого ждём? Не могу, дак! – продолжала выдавать недовольство говорившая.

Анатолий опять пошёл к автобусу, поэтому Виктор растерялся ещё больше, и продолжал тупо стоять под морозящим дождиком.

– Юноша бледный, стоять потом будем! Дрова ломайте.

– Чего ломать? – удивился Виктор.

– Дрова на костёр! Ну, я не могу, дак! – продолжала сокрушаться из-под капюшона собеседница.

И вдруг до Виктора дошло: для костра нужны дрова. Идёт дождь. Всё вокруг мокрое. А он ни разу за всю свою городскую жизнь не разводил костёр. Даже из сухих дров. В лучшем случае, покупал уголь для шашлыка. И что теперь делать – просто непонятно. Его специально послали сюда, чтобы он ещё больше опозорился.

– Да ладно вам, не так уж всё ужасно. Вы что так? – На Виктора в упор смотрели все три девушки, уже, видимо, некоторое время. – Что за ужас во взгляде? Что за безнадежность? Я тебе говорила, Катюха, не надо краситься в поле, а то размыло глаза дождём, на Бабу Ягу похожа стала, человека перепугала...

Нелепый разговор не казался смешным. Он казался диким бредом умалишённых.

– У нас вообще костёр будет, или где? – протяжно спросил долговязый мужик с рыжей бородой, к которому тут относились как к главному.

– Да не знаю, дак, никто не делает, не могу прямо! – недовольно выдала начавшая раздражать «пискля».

– А чего его делать? Берёшь, да разжигашь – протяжно сказал долговязый. – Кто у нас по костру?

– Вот бойца Толик прислал. Только он не алё.

– Знаешь, боец, чем орёл от стервятника отличается? Орёл себе свежую пищу добывает, а стервятник тухлятину холодную подбирает. Давай, будем орлами. Наломай пока дров посуше, да в темпе. Аня! – повернулся он к девушкам, – до ужина пряников не давай, только сухари.

– Хорошо, – отозвалась из-под капюшона грудным голосом Аня, Рыжий длинным взглядом посмотрел на Виктора и пошёл в центр растущего лагеря.

Виктор чувствовал себя совершенно чужим. Он не знал, что делать. Не понимал, чего от него хотят. Он промок и замёрз, дрожал мелкой противной дрожью. Хотелось есть.

– Там кухня всё, – чуть запыхано сказал подошедший с тремя ящиками тушёнки Анатолий. – Виктор батькыч, такую ты должность классную упустил!.. Иди палатки ставить, сам тут займись.

– Какую классную должность? – не понял Виктор.

– Ну как, какую? Главного костратора. К кухне поближе, от начальства подальше, выбор еды, девочки-прелестницы. Теперь всё это мне достанется! – на ходу говорил Анатолий, доставая из непонятной кучи грязного на вид барахла топор.

В несколько шагов стремительно подошёл к дереву и с изяществом виолончелиста вогнал топор в ствол дерева сантиметрах в двадцати от земли. В шесть звонких ударов «заломал сушинку» и несколькими короткими движениями пообламывал крупные ветки. От лежащего берёзового ствола ободрал несколько кусков коры.

– Тут нормально будет? – задрал голову, спросил Анатолий.

– Да, нормально – почти в один голос отозвались так же задрав головы, девушки Катя и Аня. «Пискля» опять, в этот раз тихонько, произнесла привычное «я не могу, дак!».

Анатолий поднёс пламя зажигалки к куску берёзовой коры. За несколько секунд береста занялась оранжевым огнём с густым чёрным дымом. Положив на огонь несколько крупных кусков коры, Анатолий начал ломать ветки от сушинки, складывая их какой-то небрежной кучей на пламя.

По лесу пошёл запах свежего костра...

– Витя, ну чего вы всё стоите, не пришей кобыле хвост, прямо не могу, дак! Идите уже за водой тогда, что ли, не могу прямо!

Куда идти? За какой водой? Виктор отвык, чтобы столько событий разворачивались с такой скоростью. Его сознание было перегружено. Он уже сам готов был кричать «Не могу прямо!», но вместо этого просто стоял, уставая даже от созерцания. Но в этом была надежда: ему говорят, что нужно делать, и это он сделать сможет.

– Где вода? Куда идти? – выдавил из себя сквозь дрожь холода.

– Вон те два ведра на чай. Или найди себе помощника для бидона... Саша! – неожиданно крикнула «пискля» – Саша! Ходи сюда! На голос давай! Саша, это Витя. Сейчас вы с ним вот в этом бидоне принесёте воду вон из того источника – указала «пискля» на возвышенность, где среди ёлок угадывалось какое-то деревянное строение.

– А два ведра зачем? – удивился Виктор, когда им выдали алюминиевый бидон и два цинковых ведра.

– Ну... Одно... черпать... Потом... бидон... между... нами... по... одному... ведру... в... каждой... руке... – через паузы, как девяностовосьмилетний старик с Альцгеймером, сообщил Саша.

Каждое Сашино действие было медленным. Однажды на Плесецком космодроме Виктор наблюдал установку ракеты-носителя на стартовый стол. Подъём ракеты из положения «лёжа» в положение «стоя», как это он для себя называл, продолжалось полных шесть часов. Саша своим повествованием напомнил эту ракету.

Источником оказался отделанный потемневшими досками колодец, над которым возвели крышу. Краской кривым почерком было написано «чудотворный источник». Маркерами, руч-

ками, карандашами было добавлено множество надписей: «реанимация», «источник жизни», «источник чудотворный, воскрешающий, проверено», и много в том же духе.

– Это что за надписи? – удивился Виктор.

– Это... после... шестнадцатого... августа... такие... надписи – сообщил ничего не объяснив Саша.

– А что происходит шестнадцатого августа?

– ...Пьют... пятнадцатого... – сообщил Саша после паузы.

Саша довольно ловко, почти не проливая мимо, наполнил бидон и оба ведра. Взял ведро с водой в левую руку, за ручку бидона взялся правой.

Виктору пришлось брать бидон левой, более слабой рукой. Пока шли к «кухне», полянке, на которой уже довольно весело горели два костра, Виктор несколько раз плеснул себе холодную колодезную воду из ведра на ногу. В правом сапоге неприятно зачавкало ледяной водой. Но неожиданно этот поход за водой вызвал у Виктора огромную радость: это было первое за долгое время дело, которое он смог сделать! Ничтожное событие – его победа над обстоятельствами.

Около костров квадратом уже были сложены скамейки из брёвен. Под концы брёвен были подложены чурбаки, поэтому высота поверхности для сидения получалась сантиметров 45–50.

– Саша, Витя, за мной, – протяжно скомандовал долговязый рыжебородый. – Держим жерди.

Из привезённых с собой кусков фанеры и каких-то щитов уже был собран довольно длинный стол. Ножками служили вкопанные брёвна. Над столом из трёх длинных жердей делался конёк тента. Пока Саша и Виктор держали перекладину, несколько человек вбивали в размокшую землю метровой длины колы в руку толщиной, к которым верёвкой вязался конёк тента. За 10 минут танцующая конструкция из трёх жердей и нескольких верёвок обрела жёсткость. На конёк накинули измазанный сухой глиной зелёный синтетический тент, который тут же намок. Растянули по длине конька, подставили по длине тента рогатины, чтобы скос «крыши» был поменьше.

Откуда взялись эти брёвна, жерди, готовый стол, рогатины – Виктор не понимал. Он просто не заметил, когда всё это произошло. Он даже не увидел, когда, в какой момент над костром появился брезентовый тент, а в лагере в одно мгновение выросли полтора десятка палаток.

– Обе-е-ед че-е-е-ерез де-е-е-есять мину-у-ут! Обе-е-ед че-е-е-ерез де-е-е-есять мину-у-ут! Обе-е-ед че-е-е-ерез де-е-е-есять мину-у-ут! – огласил в три стороны высокий черноволосый, чернобородый человек с пронзительно голубыми глазами.

На часах было 13.20.

– Обед условный! Не расслабляемся! – звонким голосом уточнила девушка Катя.

– Чтобы из-за стола вставать с благородным чувством лёгкого голода, – протяжно, явно подражая кому-то, негромко прокомментировал короткостриженный чернявый толстоватый парень, который втугую подтягивал растяжки тента над столом.

– Наташа! Где Наташа с эталоном? – крикнул ни к кому особенно не обращаясь один из четверых парней, вкапывавших одновременно с натяжкой тента в землю скамьи.

– На «8 марта», вроде, шла – ответил кто-то со стороны.

– У них там палатка в кустах, зови громче – порекомендовали от «кухни».

– На-та-а-а-ша!! На-та-а-а-ша!! – громко крикнул теперь в сторону мокрого леса выпрямившийся установщик скамейки. Высокий, с красивым породистым лицом, широкими плечами.

– ...чо-о-о-о? – донёсся глуховато со стороны леса девичий вопрос.

– Нам нужна твоя попа!.. – сообщил на весь лес красавец-установщик.

– ...ща-а-ас!.. – так же глухо прозвучал ответ.

– Что нужно? – не понял Виктор, несколько опешивший от такого оборота.

– Нужна эталонная среднестатистическая попа, чтобы вымерять высоту скамейки и расстояние до стола. Наташа в прошлый раз капризничала, что скамья высоко сделана, за это назначена эталонной попой для измерения эргономики вновь возводимых сооружений, – развёрнуто сообщил зодчий скамейки.

Через минуту подошла Наташа, которую несколько не смущило то, как и для чего её позвали. Она села на плоскую часть расколотого в длину и обтёсанного топором бревна, которое держали в руках двое из четверых парней и начала уверенно командовать «выше», «ниже», «вперёд», «назад»... Когда её всё устроило, бревно, прямо с сидящей на ней Наташей, закрепили. Та же процедура повторилась со второй стороны стола. Когда Наташа ушла, закрепили остальные части скамейки, ориентируясь строго по эталонным конструкциям.

– Виктор! Экий у тебя вид неприкаянный, размокший. Прямо позаботиться о тебе хочется! Ты заселился? – спросил образовавшийся рядом Анатолий, от которого пахло свежим дымом, а челюсти были заняты жеванием подпечённого на огне сухаря. От вида еды в желудке у Виктора зануло.

– Нет ещё. А куда?

– Евгений Борисыч! Ещё боец не заселён! – Крикнул рыжебородому Анатолий.

– Прошу вашего абсолютного внимания! Особенно новеньких! – подняв руки, провозгласил рыжебородый Евгений Борисович. – Все меня видят? А все меня слышат? – протяжно привлекал к себе внимание оратор. – Ещё раз прошу поднять руки, кто еще не заселился! Заселиться означает получить место в палатке! Не вижу рук. Так... раз... три... четыре... семь... Вижу семь ваших рук, из них четыре девичьи. Всё верно? Мужики, у кого есть лишнее место? Чтобы ещё одну палатку не ставить... Есть? У вас? Вы в польской? Кого к себе возьмёте? Это кто у нас? Саша, ты же уже заселялся? Недозаселился. Хорошо, этот вопрос решён. Оставшимся ставим три «звёздочки».

– Про астму блошиную не выяснили! – подала хулиганский голос толстая хриплая женщина в бесформенной штормовке, которая сидела на ней как надувная лодка.

– А ты, Лена, сама в усы к Петру Петровичу не попади! – под взрыв хохота ответили со стороны.

Вихрь событий остатка дня вымотал Виктора, как никогда. Было непривычно не ложиться спать днём, а впервые за несколько лет что-то делать. И это получалось. Получалось всё, за что бы ни взялся.

– ... Ты охренел? – прозвучало рядом.

– Что случилось? – прозвучал удивлённый ответ.

– Нет, ничего не случилось. Просто, вдруг, ты уже охренел, а мы и не знаем, – под смех нескольких голосов далось объяснение первого вопроса...

Быстрый обед рожками с тушёнкой из ведра на костре, участие в постановке палатки для себя, постановка хозяйственных палаток, разбор и заточка напильником лопат, узнавание дороги к свежевыкопанному туалету, названому по гендерному признаку тропой «8 марта» и «23 февраля», над которыми даже установлен навес, что не спасало от невероятного количества злых крупных комаров, мгновенно впивавшихся в оголённые участки кожи, вынос из леса деревьев, их распили двуручными пилами, колка дров на запас, заселение в палатку и знакомство с соседом Игорем, студентом-первокурсником, напуганным первым в жизни отъездом от родителей; ужин «супчиком быстрорастворимым» и на второе на выбор гречка с тушёнкой и оставшиеся от обеда макароны, поход за водой к «чудотворному источнику», сушка у костра промокшей одежды...

А дождь не прекращался. Уже стемнело, а народ всё бродил и чем-то занимался.

Отупевший от усталости Виктор грелся возле одного из двух костров, стараясь просушить хоть часть надетых на себя вещей. Сырые дрова сильно дымили и не давали вдохнуть. Но этот же дым спасал от комаров.

Говорят, «комар августовский» не кусачий. Врут. Не знают, какой он кусачий те, кто про это говорит. Комарихи в Архангельско-Вологодских лесах пьют кровь и кусают до заморозков в сентябре. За этот день Виктор не меньше десятка раз намазался репеллентом, но дождь смывал мазь, и комары с особым удовольствием кусали в уже расчёсанные места.

– Ты сними, да потряхивай – поучали его несколько человек одними и теми же словами, видя, как Виктор то одним боком, то другим поворачивается к огню. Рядом люди трясли куртками и джинсами около огня.

– А зачем так делать? – не понимал Виктор.

– Пар быстрее выходит – пояснили ему. Но снять, пусть и мокрую, куртку было невозможно. Ледяной мокрый воздух сковывал движения. Вызывала ужас одна мысль, что надо снять куртку.

– ...пуншик... – выловил фрагмент тихого разговора Виктор.

– ...в палатку придём... – услышал фрагмент ответа Виктор.

... Во влажной холодной одежде Игорь и Виктор одновременно залезли в свою палатку. Им сказали обязательно переодеться в сухую одежду, прежде чем они влезут в спальный мешок «академия». А то «сырость и гниль из мешка вывести будет невозможно».

– Блин, как тут раздеваться? – негромко выразил общую мысль Игорь.

– Есть во что сухое одеться? – спросил Виктор.

– Да, в сумке...

Включили фонарики и в тесноте палатки начали возиться в своих сумках, доставая холодные, как будто влажные вещи. В синих, холодных лучах света китайских фонариков клубился пар от дыхания, а воздух был густой, холодный, влажный.

– Ле-е-ен!.. – вдруг совсем рядом раздался громкий мужской голос. – А вы там уже что, греетесь?

– Ага!.. – ещё ближе ответила сипловатым голосом Лена. По голосу Виктор узнал ту самую толстую женщину, которая про блошиную астму спрашивала.

– А чем греетесь? – опять громко спросил мужской голос у самого уха.

– У нас две таблетки!.. – произнесла Лена так, как будто только что выиграла миллион.

– О-о-о-о!.. – пришёл в экстаз мужской голос. – Да!.. Продолжай!..

– У нас тепло!.. И почти сухо!.. – продолжала Лена.

– Да ты что-о-о?! – эйфорично восторгался мужской голос.

– Начали секс по мегафону, – недовольно прозвучал чуть дальше голос Оксаны, с которой Виктор познакомился после ужина, когда для мытья посуды потребовался «потаскун-насильник», который натаскает воды и отнесёт чистую посуду к столу. – Рановато в этот раз!

– Ксюш, ты погоду видела? В самый раз начали! Не ломай кайф, присоединяйся лучше, – пригласил разделить восторг мужской голос.

– Нет уж, увольте, батюшка, я как-нибудь втихомолку согреюсь – отказалась рассудительная Оксана.

– Лё-ё-ёшь! – позвала Лена, – а ты с пуншем?

– Нет, – отозвался Лёша, мужской голос-участник «секса по мегафону». – Берегу на день.

– Напоминаю. Сухой закон – негромко, чётко, значительно прозвучал голос Евгения Борисовича около палаток.

От этого негромкого напоминания притихли все. По палатке метнулся луч фонарика.

– Ребята-новенькие, у вас всё в порядке? – совсем близко спросил Евгений Борисович.

– А как спать? Тут дышать совсем нечем, а ноги мёрзнут! – прозвучал почти плачущий девичий голосок из палатки рядом.

– Где дышать нечем? – после паузы спросил Евгений Борисович.

– В спальном мешке! – с вызовом в голосе прозвучал второй слабый голосок, с нотками плача.

– А... а-а-а вы как в него забираетесь?.. – с улыбкой в голосе прозвучал вопрос Евгения Борисовича.

– Головой вперёд... – неуверенно ответил голосок.

Хрюканье, перемежающееся со всхлипыванием и неприличным лошадиным гоготом, наполнило всё пространство. Хохотали даже Виктор и Игорь. Хохотали так, что перехватывало дыхание.

– Юля, Олеся – пробивался сквозь взвизгивание Лены голос Евгения Борисовича – в спальном мешке нужно забираться ногами, а голову оставлять снаружи. Лена, Лена! – в другую сторону прозвучал голос – напоминаю о пожарной безопасности. У вас остальные таблетки сухого спирта отдельно лежат?

– ...Да, мы в баночке жжём!.. – преодолевая ржание, ответила Лена.

Эта вспышка гогота согрела Виктора. Как же давно он не смеялся вот так, от души. Этот смех этой промозглой ночью был явлением из другого мира, чем-то невероятным, неожиданным.

Неожиданно Виктор прервался, осадил сам себя. А что такого смешного произошло? Почему он так расхохотался? И сразу за этой мыслью пришло раздражение. Ну, вот чему они смеются?..

Переодевшись в спортивные штаны, сухие носки, сухую футболку и сухой свитер Виктор начал забираться в пахнущий прелостью спальник...

* * *

... Унять дрожь и хоть немного согреться, поминутно проваливаясь в беспокойный, поверхностный сон, удалось только к середине ночи. Уснуть было очень тяжело. Комары звенели в мокром холодном воздухе и находили любой незакрытый участок кожи, чтобы очень больно укусить. Пришлось накрывать голову полотенцем, сквозь которое всё равно кусали особенно крупные комары. От мази против комаров щипало кожу. То тут, то там, но всегда где-то близко всю ночь звучали голоса, взрывы смеха, две гитары с разных сторон. Поэтому когда в серо-зелёной хмурой рассветной сырости зазвенели у палаток удары топора о топор и голоса «подъём, завтрак через полчаса», Виктор решил для себя спать дальше. Он просто не мог встать. От вчерашней нагрузки болели мышцы, давно столько не двигался. Игорь уже сидел в своём спальнике и тёр измятое лицо руками.

Сонный голос Лёши громким хрипом оповестил приближающийся звон топоров.

– В этой микрахе все встали! Тут звенеть не надо!.. ну меня на хрен... о-о-о-о, грехи мои тяжкие... – выдал Лёша. Покряхтел и вдруг предложил: – Ксю-ю-ю! А давай ты меня усыновишь?

– Внезапное начало дня – сонно ответила Оксана. – А зачем?

– Ну, как зачем? – удивился Лёша. – Ты меня усыновишь... Я буду тебе радоваться... А ты меня завтраком в кроватку будешь кормить. Начать можно прямо сегодня... Давай, а?..

– Заманчиво... Но всё равно не понимаю всей прелести твоего предложения, – отказалась Оксана.

– Ксю, а меня усыновишь? – прозвучал ещё один сонный мужской голос.

– В очередь, Петруня, в очередь, – прервала противоестественный ход событий рассудительная Оксана.

– Вставай – толкнул Игорь в плечо Виктора.

– Не могу, потом встану – тихонько, не размыкая глаз, ответил Виктор.

– Евгений Борисович для новеньких будет после завтрака рассказывать об этом месте. Говорили, всем быть надо – добросовестно будил Виктора Игоря.

– Я потом – из последних сил пытался остаться спать Виктор.

Вокруг уже слышались шаги, звучали голоса.

– Не вижу активности – прозвучал у самого входа голос Евгения Борисовича. Кто у нас тут?

– Игорь и Виктор – сообщил Игорь.

– А это кто говорит? – уточнил Евгений Борисович.

– Игорь – ответил Игорь, развязывая вход.

– А Виктор почему ещё с закрытыми глазами? – настойчиво спрашивал рыжебородый.

– Я позже выйду, сейчас не могу, долго не спал с вечера от холода – постарался вызвать жалость Виктор.

– Виктор, на меня посмотри, – потребовал Евгений Борисович.

С трудом разлепляя веки, Виктор повернулся к говорящему.

– Здесь правила для всех общие. Все встают в одно время. Все выполняют предусмотренную работу. Если ты с этим не согласен – собирай рюкзак и отправляйся обратно. Доступно излагаю? – от спокойной жёсткости сказанного Евгением Борисовичем у Виктора похолодело внутри. Он понял, что подчинение этим общим правилам обсуждаться не будет. Хотелось что-то возразить, что он совершенно разбит и не выспался, но тогда придётся ехать обратно. А ему тут пообещали хорошую зарплату. А в деньгах он нуждался больше всего.

– Я встал, сейчас выйду – выразил согласие с условиями пребывания Виктор и закрыл слипающиеся глаза.

– В глаза не бросается – протяжно произнёс по-прежнему сидящий на корточках около входа Евгений Борисович.

Рывком, так, что аж застучало в голове, Виктор сел и начал выбирать из спальника.

«Пусть мне будет хуже! Упаду среди лагеря – будут знать!» – зломчтательно подумал Виктор. Как и всякому человеку, ведущему бессмысленный образ жизни, ему были свойственны мысли о том, что вот он сейчас внезапно повредится здоровьем, и как все вокруг от этого всполошатся. Это иногда срабатывало, когда в кругу близких знакомых родителей он сидел с кислой физиономией, а на вопрос, что с ним, отвлечённо отвечал, что плохо себя чувствует и ещё больше скисал. Женщины пенсионного возраста начинали жалеть, да советовать, как поправиться. А то же такой молодой, а уже такой нездоровый. Вот она, современная жизнь. Не то, что в былое время, когда и работали не в пример больше, и праздники отмечали, и на здоровье никто не жаловался.

– Дежурный! – звонким высоким мужским голосом с нажимом на «ю» крикнул кто-то, – где подогретая умывальная вода?! Давай быстрей!

Зазвякала крышка ведра, звякнула крышка умывальника.

– У-у-утро-о-о... седо-о-о-ое... у-у-утро... тумана-а-анное... – с цыганским надрывом запел Лёша, выползая из палатки.

– Ой, Лёша, иди ты уже в баню с такими завываниями!.. – гаркнула Лена.

– А ты мне спинку потрёшь? – нашёлся Лёша.

– А ты мне палатку просушишь? – парировала Лена.

– Сейчас всем двойку поставлю – закрыла дискуссию Оксана.

Виктор чувствовал себя смертельно больным стариком. Было всего 07.20. Он не привык так рано вставать. Это бесчеловечно. Виктор – нормальная «сова», привык поздно ложиться, поздно вставать, пик активности приходится обычно на полночь. Такая жизнь не для него. Эту командировку он вытерпит. Очень нужны деньги. Нужны настолько, что он готов терпеть и такие муки. Этих странных людей. Эти невыносимые условия. Эту тошноту и головную боль от недосыпа. Ладно. Он вытерпит. Но как можно себя вести так развязно? Как эти люди потом

друг на друга будут смотреть? А ещё, говорили, что поедут школьные учителя, учёные-археологи, какие-то учёные геологи. Он согласился быть полевым рабочим потому, что ожидал нормального общества, а не всего вот этого.

Серая сырая хмарь. Дождь не шёл, но в воздухе висели капельки дождя. С отвращением надел ледяную, мокрую со вчерашнего дня одежду. Сунул ноги в сырые ледяные сапоги. С кислым унылым лицом прошёл к умывальнику, вокруг которого несколько человек сосредоточенно-сонными движениями чистили зубы. Отвратно пахло сырым табачным дымом. Рои комаров звенели так, что уши закладывало.

– Утро добрым не бывает! – неприлично бодрым голосом заявил Анатолий. Он стоял с огромной фаянсовой кружкой, в которой дымился растворимый кофе. Ещё несколько человек пили кофе из кружек поменьше. На его заявление двое отсалютовали своими кружками.

– По такой погоде на дальний пешком идти придётся, транспорт там и засядет... Шестьсот метров надо вскрыть? Там всё пашня, не глубоко должно быть... – говорили негромко пьющие кофе.

– Завтрак! – слабо сообщила девушка от костра, на котором кипели четыре ведра.

Овсяная каша, хлеб с маслом, много растворимого кофе, запить чаем. Горячий завтрак, со вкусом детского сада и кофе как-то отвлекли Виктора от мысли упасть без сил у всех на виду. Он всё равно не понимал, как можно пересмеиваться в такую рань, в такую ледяную хмарь. «Тут собрались одни идиоты и неудачники. Хихикают своим шуточкам», – подумал он – «Надо от них подальше держаться».

Настроение было отвратное.

– Товарищи, пока все здесь, прошу вашего абсолютного внимания, – не вставая, со своего места, спокойно провозгласил Евгений Борисович. – У нас стоит задача за три недели вскрыть площадь в шестьсот квадратных метров на четырёх участках, по которым пройдёт одна из ниток газопровода «Северный поток-2». Нас здесь всего двадцать четыре души. То есть расслабляться будет некогда. Обнадёживает то, что большую часть раскопов и шурфов будем делать на бывшей пашне, лесом поросшей, где ничего не должно быть. Но есть один участок, в отношении которого есть подозрение, что мы неожиданно найдём там памятник. Если мы его найдём, то придётся в установленные сроки его раскапывать. Консервировать нам ничего не дадут, весной сюда придут бульдозеры, а первого сентября мы уже должны перебраться под Великий Устюг. Поэтому сейчас старшие наберут себе команды. Девочек на помойку и в камералку отрядим по мере поступления материала, а пока все идут в поле. Старшими у нас назначаются Александр Викторович, на дальние шурфы, Максим, Григорий Сергеевич на углежогные ямы, Елена Анатольевна на основную трассу. Если есть предпочтения, кому с кем идти – обращаться напрямую. Кто не определится – того сам распределю. Пойдёте, куда родина пошлёт. Машина в распоряжении Максима. Вопросы есть? Не забываем сигареты, кто курит. Выход через десять минут.

Возникла небольшая сутолока, шумно и одновременно все начали вставать, собирать посуду.

– Виктор! Готов? Идёшь с нами на дальние, – однозначно сообщил Анатолий. – Иди за мной, загрузу тебя инструментами, раз уж взялся я о тебе заботу проявлять.

Вслед за напористым Анатолием Виктор тяжёлыми ногами послушно подошёл к выцветшей хозяйственной палатке, где Катя выдала ему в каждую руку по неожиданно увесистому рюкзаку. Виктор аж ойкнул, когда Катя без видимого усилия передала ему поклажу, но тяжесть их показалась непомерной с утра.

– Силы у тебя ещё слабые. Воспрянь! Это вам еда и чистая вода на весь день, – сообщила Катя.

– Витя! Ну, ты где? – окрикнул Анатолий. – Держи лопаты!

– Да куда, у меня еда!.. – начал было возмущаться Виктор.

– На плечи рюкзаки! Держи! – лопаты со звяканьем рассыпались. – Топор возьми. Будешь доброй феей. Дядя Саша! Колов сколько надо будет? Двенадцать хватит? Или лучше шестнадцать? Понял, двадцать, так двадцать, – и Анатолий начал звякать кусками окрашенной в красный цвет арматуры по полметра длиной. – Совков четыре, ванночек не нужно... – приговаривал Анатолий.

Через четверть часа малопонятной суতোлки начали движение в лес вчетвером. Александр Викторович, чернобородый черноволосый высокий мужик с пронзительными голубыми глазами, Анатолий, крепко сбитый Пётр, сосед Лёши по палатке, поставленный Оксаной в очередь на усыновление, и Виктор, в хмуром состоянии духа и чувством тяжести в каждой мышце. Все оказались неожиданно тяжело нагружены, и при этом все, кроме Виктора, порадовались, что ушли налегке...

– Такое вот оно, суровое северное лето – шутливым, пониженным, как у деда мороза, голосом, сказал Александр Викторович. Он шёл первым в густом сыром тумане. Настолько густом, что следом за идущим оставался не закрытый проход – Два дня мочить будет...

– Я смотрел, на день опять дожди будут, как всегда. А на шестнадцатое тепло обещают, – сообщил Пётр.

Виктор уже не первый раз слышал про день, но не мог понять, почему день как-то отделяют от остального времени. Поэтому решил спросить.

– А день – это со сколько до сколько считается?

– День не считается – день отмечается... – начал Пётр, и его перебил-дополнил Анатолий:

– Непременно радостнее Нового Года. Не просто день, а День с большой буквы!

– Да, это очень значительное событие для всего копающего состава, – с вежливой интонацией продолжил Александр Викторович, на правах старшего взявшийся разъяснить всё как положено, без возможных шуток. – Пятнадцатое августа отмечается неофициальный праздник «День Археолога». Пятнадцатое января – камеральный праздник, а пятнадцатое августа – полевой. До этого ещё двенадцатое августа отмечают «день бересты», но не так широко. В основном, в окрестностях Новгорода Великого, и у нас тут, поскольку раньше мы входили в Новгородскую губернию.

Александр Викторович притих. Перешагивая через лесные коряги, обходя особенно глубокие лужи. В наступившем молчании слово опять взял Пётр.

– Обычно это такой «день дедовщины». Вечером устраивают посвящение в археологи, а весь день идут прикольные инициации новичков, типа поиска вопроса, ответ на который «двенадцать». А вечером целование лопаты. И официальная отмена сухого закона, в пределах разумного.

– Ну, да, это необходимое, как показывает многолетняя практика, послабление. Потому что народ всё лето в лесу, в поле, постепенно звереет, – уточнил Александр Викторович. – А иногда приходится и до октября копать, поэтому нужна определённая разрядка. Шестнадцатого, обычно, даже дают выходной. Это, как правило, единственный выходной за весь период, кроме вынужденных простоев. Но в этот раз вряд ли получится. Затянули смежники в этот раз, поздно на этот участок дали открытый лист, придётся нам все дни поработать.

– Надо, значит, надо – сказал Анатолий. – Мне всегда шестнадцатого как-то отдохнуть не нравилось. Вот честно! И так, обычно, погоды никакой, ещё с похмелья, сидишь целый день у костра, от безделья страдаешь. Уже, обычно, все разговоры переговорены, все книжки прочитаны, все песни перепеты, анекдоты пересказаны. И сидишь так, молчишь, в огонь пialiшься. И все ждут утра, чтобы пойти поработать.

– Мы в один год купаться ходили. Проверяли, помогает ли с похмела – вспомнил Пётр. – Потом из воды до лагеря так и шли под дождём в плавках. Нормально...

– Кто у нас добрая фея? – спросил шедший впереди Александр Викторович, – загубика эти осинки, а то мы не пройдем.

– Виктор! Вперёд! У тебя же топор – подогнал Анатолий.

– А почему добрая фея? При чём тут топор? – не понял Виктор.

– Ах, юноша, как же мало вы знаете о добрых феях – под дружный смех выдал Анатолий. – Анекдот такой.

Александр Викторович, не дожидаясь окончания беседы, забрал у Виктора топор и в несколько движений срубил молодые деревья и кинул на раскисший участок тропинки. Потом ещё несколько штук кинул поперечно.

– Можно идти.

С разговорами о всяких пустяках шли уже почти час. Комары роились в лиственных участках леса, висели густым облаком, и почти отсутствовали в хвойных. В разговоры как-то незаметно втянулся Виктор. Чувствуя дикую усталость, поинтересовался, далеко ли идти.

– Всего до самой дальней точки шесть километров. Начнём с дальних участков, чтобы потом далеко не ходить. Сейчас мы уже почти четыре километра прошли – сверяясь с топографическим планом и джи-пи-эс-навигатором, сказал Александр Викторович.

– Это что, мы двенадцать километров за день пройдем?! – ужаснулся цифрам Виктор.

– Ты слишком просто смотришь на вещи. Не просто двенадцать, а двенадцать километров по лесу, под нагрузкой, а между делом землю покопаем.

– Это каждый день за шесть километров ходить? – продолжал Виктор разматывать начинающуюся истерику нытика.

– Нет. Завтра на пять пойдём. Километр сегодня прошурфим.

– Предлагаю минутную остановку с целью посещения угла двора – беспардонно влез разговор Анатолий.

– Поддерживаю! – замедлил шаг Пётр.

– Да, уже можно, – согласился Александр Викторович. – Только отходим от тропы во-он туда, там кучки откладываем, здесь нам шурфить.

Виктор хотел продолжить душераздирающий разговор, сказать, что это слишком тяжело, добиться согласия, что это эксплуатация, но трое попутчиков резво поскидывали на возвышенности свою ношу и, невзирая на его растерянность, дружно вошли в гущу леса с целью удовлетворения естественных физических потребностей.

Потребовалась минута, чтобы осознать и это: посещение отхожих мест для них важнее разговора о его, Виктора, переживаниях. Но природа требовала своё, поэтому Виктор тоже пошёл в гущу леса по направлению, указанному «дядей Сашей». Отошёл недалеко, но достаточно, чтобы остаться в одиночестве. Нашёл подходящее место. Обмазался репеллентом под штанами, чтобы комары не помешали в ответственный момент, с удовольствием присел на корточки...

Обратную дорогу он не узнавал. Совершенно одинаковые деревья, спутанные корни и кроны. Так, надо вернуться к «углу двора». Там белеется бумажка, от неё ещё раз надо попробовать вернуться. Но это оказалась не бумажка, а огромный гриб. Бумажки нигде не было.

Да ладно! Не мог же он вот так тупо заблудиться. На несколько метров от тропы отошёл.

– ... и-и-итя-а-а!.. Ау-у-у!.. – глухо издали раздался голос Александра Викторовича. Надо бы ответить. Но тупо кричать «ау» в ответ он не станет. Он просто пойдёт на голос. А откуда был голос?

– ... и-и-итя-а-а!.. – повторилось снова. – Дай голос!.. Ау-у-у!.. – кричал уже Анатолий!

– Ты где-е-е-е?! – прибавился голос Петра. Вслед за этим послышался звон топора о лопату. Двигаясь в направлении звука, Виктор оказался в просто непролазной чаще. Со всех сторон были ветки, поваленные деревья, ямы. Рванулся обратно – то же самое. Их не было, когда он шёл на звук!

– Ау-у-у-у!.. Дай голос!.. – кричал Анатолий откуда-то со спины. Как он мог кричать оттуда, если Виктор чётко слышал его спереди?..

– Я ту-у-ут!.. – неожиданно для себя не своим от испуга голосом крикнул Виктор. – Я ту-у-ут!..

– Ещё-о-о раз! Кричи до-о-ольше! – крикнул Александр Викторович откуда-то сбоку.

– Я ту-у-у-у-у-ут! – внезапно охрипшим голосом кричал Виктор.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь!.. Пётр стучал лопатой о лопату.

– Иди на звук! Иди и кричи, где ты! – послышался голос Анатолия.

– Иду-у-у!.. – Виктор двинулся, стараясь не бежать. Неожиданная, необъяснимая паника захлестнула его всего целиком. Страх был необъяснимый и всепоглащающий.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь!.. Звучало уже совсем рядом.

– Вижу, вижу, вижу тебя, уходимец, – послышался голос Анатолия.

Виктор вышел из леса на тропу с противоположной стороны от той, в которую уходил. Как он оказался там – он не понимал.

– Ещё один уходимец. Ты это, давай, один не уходи. А то лес вроде прозрачный, а тебе достаточно оказалось, – недовольно выговаривал Александр Викторович.

– Сашу тоже из лагеря одного отпускать нельзя. Два раза по дороге с двадцать третьего февраля сумел заблудиться, час вокруг лагеря плутал, первый раз нашли его, когда дежурные за водой пошли. Он мимо этой тропы, говорит, раз десять прошёл. А во второй раз он на помощь звать начал в десяти метрах от костра, – рассказал Пётр, пока надевали на плечи рюкзаки, брали рейки, лопаты...

У Виктора от пережитого испуга всё тряслось внутри. Так глупо потеряться...

В переживаниях, он не слышал разговоров и не заметил, как дошли до места. Только увидел, что «дядя Саша», «шеф», как обращались к Александру Викторовичу Анатолий и Пётр, сверился с бумагами и GPS и сказал: «вот здесь она должна быть». Анатолий и Пётр начали крутить головами.

– Вон лежит – указал Анатолий в просвет деревьев.

– Ага... – шеф пошёл по направлению Анатолия и остановился у жерди с наклепленным на верхушку куском красного скотча, чтобы выглядело флажком. – Это она самая... ну что же, господа-товарищи, поздравляю вас, это место первого шурфа, мы его нашли! – шутливо сказал Александр Викторович. – Забивать будем сразу четыре, сразу по два на два.

Анатолий со звоном высыпал из плотного мешка куски крашеной арматуры, взял один, и как в игре в ножички, с силой метнул его в землю. Штырь воткнулся под небольшим углом.

– Ну, почти... – сказал Анатолий.

В это же время Пётр повторил действие Анатолия. Штырь Петра вошёл в землю под значительным наклоном.

– Виктор, твоя попытка!

– Зачем? – не понял Виктор.

– Самый прямо стоящий кол будет назначен северо-западным углом шурфа. Кто прямо воткнёт – тот тут и копает. Кто криво воткнул – тот идёт в другое место. Археология – наука точная, тут не абы как всё определяется... – пояснил Анатолий.

Виктор взял штырь и нехотя кинул его в землю. Штырь звонко ударился о камень под слабым дёрном и отскочил в сторону шефа, ставившего засечку на навигаторе.

– Во, везунчик! – выдали в один голос Анатолий и Пётр. – А посильнее бы саданул, и не повезло бы дяде Саше. Мой кол – закончил Анатолий и начал расправлять трёхметровую алюминиевую линейку, которую все называли рейка.

– Так, погодите пока! – подал голос шеф, оторвавшись от бумаг. – Сначала закопушки делайте. Задача – не найти ничего, чтобы сюда не переселяться. От этой точки до этой точки по ширине – шеф указал на кусты рядом с жердью со скотчем – и через каждые 3–4 метра туда – показал на дорогу, по которой только что пришли.

– Закопушка – это штык на штык квадратом ямку делаем – пояснил Анатолий. – Вот так вот – он воткнул лопату в землю полностью, пошатал, вынул. Опять воткнул сбоку, пошатал, вынул, с третьей стороны, и на четвёртый раз вынул прямоугольник земли, как квадрат из арбуза на пробу. Этот кусок Анатолий рассыпал рядом с ямкой, присел на корточки и начала разбирать руками.

– Замытая керамика. Много. И угольки – вытягивая руку к шефу, показал горсть каких-то перемазанных землёй предметов Анатолий.

– И у меня – сообщил Пётр, стоя в нескольких метрах.

Анатолий высыпал горсть находок на неизвестно откуда взявшийся кусок коричневой крафт-бумаги, перешёл на другое место, повторил «закопушку». Виктор тоже достал из земли разваленный кусок, Анатолий подошёл, рассыпал кучку, начал что-то объяснять и осёкся. Потом вынул что-то и повернувшись к шефу негромко сказал:

– Сань... Только не ругайся, ладно? Монеты, бусина и жэпэ... В одной закопушке...

* * *

Монета сама по себе находка довольно редкая. А тут сразу две слипшиеся. И железный предмет – ж.п. При наличии керамики и угля. Явный признак археологического памятника.

Скривив лицо, Шеф подошёл к Анатолию и Виктору. Взял в руки найденные предметы, оттёр, поплевал, оттёр ещё раз.

– Монеты. Советские. Трёхкопеечные. Восемьдесят второго года чеканки. Бусина. Пластиковая. Советская. Железочка... Круглопровочная. Штампованная. Ничего интересного. А в стенках что? – Александр Викторович присел к ямке и провёл руками по стенкам, выдернул что-то. – Кошелёчек советский, бусинками расшитый. Ого, в нём ещё рубль бумажный!.. Запишем в находку, как следы современного присутствия. Ну, тут и не могло ничего быть. Здесь в советские времена было льняное поле, всё пахано-перепахано тракторами, старые деревни давно и подальше были. Продолжаем!

Продолжая делать «закопушки», растянулись на несколько сот метров.

Около 12-ти утра были раздернованы и зачищены четыре шурфа. Виктор смотрел, учился, делал. Сразу понял, как выглядит керамика, понял важность бусин. Преодолевая непонятное возбуждение, хотел найти целый клад с монетами, но со старинными. Копая в своём шурфе, задавал множество бессмысленных вопросов, выдававших его полное незнание истории и культуры, на которые получал терпеливые, развёрнутые ответы. Особенно интересовало, сколько могут стоять старинные монеты, если их найти много? Где их можно продать? Кто их может купить? А бусины старинные, насколько ценные? А их можно продать? Их покупают? Очень не хотелось верить, что старинные монеты не имеют большой материальной ценности, но имеют значение для датировки памятника. Что бусины вообще ничего не стоят. Куда важнее эти находки для характеристики памятника. Когда под лопатой за разговором что-то звякнуло и отлетело в сторону, шеф со своего шурфа ланью бросился к шурфу Виктора.

– Шумелка! Целая! Откуда она здесь? Вот вам и уходимец! – с каким-то удивлением констатировал шеф. Он крутил в руках предмет – бронзовую шумящую подвеску. Уточка, лапки которой болтались, как цепочки и своим шумом должны были отпугивать нечисть от доброй христианки.

– По ходу, первую сгущёнку выдать надо – с некоторой завистью проговорил подошедший Пётр. И разъяснил, что за такие находки положен приз – банка сгущённого молока за каждую для поглощения в одно лицо.

Виктор почувствовал нарастающее удовлетворение. Он не понимал, что происходит, но понял, что произошло что-то значительное. И центром этого значительного является он «со своим невероятным везением, которое нужно использовать за карточным столом».

Шеф перешёл на шурф Виктора, а тому велел докапывать свой, не такой насыщенный «индивидуальными находками». Но больше до самого материка ничего не было...

В час дня начали собирать обед. Неожиданно быстро развели костёр из мокрых дров. Из какой-то лужи Анатолий принёс неожиданно чистую воду в чайнике. Хлеб, рыбные консервы, в трёхлитровых пластиковых майонезных ведрах гречка с тушёнкой со вчерашнего ужина, вермишель с тушёнкой со вчерашнего обеда. На пластиковую крышку майонезного ведра Шеф насыпал с ложку соли, очистил прямо на землю три луковицы, разрезал их на четыре части каждую. Рядом положил головку чеснока. Из своих рюкзаков попутчики Виктора достали миски, кружки, ложки, ножи, а у Виктора ничего подобного не было... Он не взял с собой ничего.

– На будущее на выход обязательно бери с собой посуду. Сейчас сообразим... – сказал Александр Викторович.

Пётр достал из кармана рюкзака складную ложку. Передал Виктору.

– У нас с собой было – сказал Анатолий и извлёк из рюкзака копчёную пятисотграммовую консервную банку. – Кофейник-турка-джезва. Держи, уходимец везучий, только аккуратно. Быстро разогревается. Но без кофию тогда получится – Анатолий показал пакет молотого кофе и кинул обратно в рюкзак.

– Тогда так поступим: разложим по тарелкам каши, а тебе, Виктор, доедать из ведёрков. Осилишь?

В снятый с костра кипящий трёхлитровый чайник всыпали три столовых ложки заварки.

Ели прямо грязными руками. Ели быстро, брали по пластику резаного лука, макали в соль и с видимым удовольствием ели. Зубчики чеснока чистили зубами, макали в соль и заедали лук «для крепости». Виктор не мог поверить, что лук и чеснок можно есть вот так, не морщась. К чаю были сухари из сладких булок и кругляшки сушек.

С насыщением наваливалась дикая усталость. Чай выглядел чёрным, пах сильно.

– Без кофию, всё же, никак... У нас точно нет никаких других чайных ёмкостей? – поинтересовался Пётр.

– Если только крышка чайника... – осмотрелся вокруг себя Анатолий.

– Пойдёт. Витя, держи мой стакан, давай баночку.

Пётр отдал Виктору свою кружку, в которую Анатолий из банки перелил чай и пошёл с закопчённой консервной банкой к той же луже за водой на кофе. Через несколько минут над лесом поплыл нездешний запах крепкого кофе, в который сразу был всыпан сахар. По готовности на донца четырёх ёмкостей был разлит какой-то густой субстрат. До верха ёмкости были заполнены водой из пятилитровой банки, которую Виктор нёс в одном из двух рюкзаков с едой. Даже после этого кофе оставался крепким и сладким. Первые же глотки вызвали прилив какой-то странной бодрости. В ушах зазвенело, слабость в теле уменьшилась, захотелось движения, а мышление притупилось.

– Анатолий Иваныч, ты молодец... – одобрительно высказался Шеф. – Твой кофе весь год вспоминаю, когда не в поле. Не знаю, какие амфитамины ты в него вмешиваешь, но только после твоего кофе каждый раз прямо жить хочется. Ну, что же... пятнадцать минут на переваривание, как раз до двух часов... и продолжим наш трудовой подвиг.

Как будто чувствуя общую обстановку, тучи из низких, серых начали истончаться, приподниматься повыше и светлеть.

– А ты, Витя, чем по жизни занят? – поинтересовался Александр Викторович.

Хотите поставить человека в неудобное положение? Просто попросите его: а расскажи-ка, браток, о себе. Этот вопрос почти всегда вводит в ступор неподготовленного человека. Кто ты? Чем занимаешься?..

Видя заминку Виктора, Анатолий помог шуткой:

– «А расскажите о своей жизни в двух словах? – Всякое бывало...».

Все четверо коротко хохотнули, а Виктор, видимо из-за странного действия кофе, начал отвечать.

– Айтишник...

А что добавить ещё больше – не знал. Кто он? Чем занимается?

...Жизнь протекает мимо: друзей – простых, бескорыстных, добрых – нет. Жилья – нет, и не предвидится. Жильём становится та угаженная халупа, на которую в этот момент хватает денег, чтобы её снимать. Работа – постоянная гонка за лучшим местом, и не длится больше года на одном месте. Всё имущество умещается несколько в картонных коробок и две дорожные сумки.

Семья в таких условиях не предполагается.

А ведь уже прилично за 30 лет. Высшее техническое образование. Вроде бы больше десяти лет рабочего стажа. А всё так хреново.

Лень стала серьёзной проблемой. Не апатия, а именно тупая лень. В мыслях десятки рабочих идей и схем, но встать и сделать – что-то прямо сковывает, и аж мышцы сводит, пока не откажешься от выполнения мысли. От этого грустно, и ещё больше лень, что-то делать.

И бабы достали своими закидонами. Вот вечно всё портят. Такое ощущение, что нормальных, самодостаточных женщин без ежедневных истерик в разных формах (от бурно-скандальных до уныло-слезливых) вообще больше не бывает! Почему то всем бабам засрали мозги, что «кто-то должен сделать их счастливыми». Непременно КТО-ТО. И он это ДОЛЖЕН. Прямо вот конкретно ей. И от того, что этот кто-то не делает её счастливой, она «имеет право» быть говном. А самой быть счастливой просто так? Вот взять и просто так ощутить счастье?! «Ты дурак?!» – будет вопрос, губы распластаны в мерзкой гримасе, взгляд, как у вступившей в кашку: полный презрения, подозрительности, ненависти.

Начиналось-то всё, вроде, совсем неплохо: выпустился из универа. До этого школа, как у всех. Бренчание на гитаре, девочки, дружбаны, кореша. И ведь нормально учились. Поступили почти все с первого раза. Только один парень из всей большой компании в армию сходил. Нормально сходил, потом тоже поступил, но не стал учиться, сразу работать пошёл. Общались все хорошо. С третьего курса приличная практика, планы на жизнь, хорошую работу, свою квартиру, семью.

И сразу после выпуска полные оптимизма ринулись в жизнь. Сразу же первая гадкая подножка: зарплата без опыта работы по специальности более трёх лет – ровно 100 поездок в автобусе. Разочарование страшное. Но родители настояли: надо с чего-то начинать, за что-то зацепиться, а мы пока поможем.

И это оказалось ловушкой: в любом споре не позволено отстаивать своё мнение: мы тебя пока ещё сохраним.

График работы – с 09.00 до 18.00. Искать в этом режиме другую работу невозможно. И на этой оставаться невозможно. Горькое осознание: эта контора и другие, ей подобные, держится именно на таких студентах и выпускниках, которые приходят, первый год растеряно работают, часто без договора и отчислений в пенсионный фонд, и никогда зарплата расти не будет, так как летом будут новые дураки. Хозяева конторы довольны: в России нет минимальной зарплаты, а есть МРОТ. Но вновь приходящих всегда оформляют совместителями или вообще не оформляют, и им даже МРОТ не положен.

Уволился. Несколько месяцев искал другое место. Чем-то перебивался. Привык к маленьким суммам и простым удовольствиям. Психология нищего укоренилась так, что не уйдёт никогда, стала второй натурой.

Как-то со старыми друзьями бизнес стали организовывать. И даже сначала пошло как-то. Хотя родители были против. Они всегда против: работаешь с маленькой зарплатой – против – «найди что-то лучше!»; честно не работаешь – против: «найди хоть что-то!»; вроде своё дело заводишь – против: «займись настоящим делом!».

А что делать-то??? Что делать?! Каким делом заняться?!!

Занимались подключением и настройкой компьютеров. Но очень уж идея тогда востребованной оказалась. Частники без налогов все столбы уклеили аналогичными предложениями. И их ООО, едва начавшись, закончилось. С друзьями-сотрудниками не ругались: молча помянули стаканом ликвидацию, да опять по норам разошлись, свой путь искать.

А кореша устраивались как-то: кого папа к себе взял, кого по знакомству, но в массе своей все оказались как-то пристроены. А Виктор опять по объявлению место нашёл. После первой же зарплаты выяснилось, что плохое место, но хоть что-то. Потому и терпел. Резюме рассылал уже везде. Но везде было примерно одно и то же.

С бабами всё как-то не клеилось: трудно склеить хорошую бабу, если вести её придется в трёхкомнатную квартиру с проходной гостиной комнатой, из которой родители стараются не уходить и обязательно напоят гостью чаем из щербатых чашек, хоть она и сопротивляется. Зададут сотню самых дурацких вопросов, выжимая самые подробные ответы. Второй раз «в гости» идти нормальные девушки не хотели, и вообще не стремились больше встречаться. Виктор их понимал: сам шараялся от тех подружек, чьи родители пугали его своими напористыми действиями...

Однажды в ответ на разосланные резюме получил сразу три предложения и впервые испытал паралич выбора. Выбрал одну организацию, сообщил в две других, что не сможет выйти к ним на работу. И тут же получил отказ от третьей: руководители между собой общались, и тому, кого выбрал Виктор, не понравилось, что **ВЫБРАЛ ВИКТОР**, да и вообще, что он обращался ещё и в другие организации.

Вышел на другую работу, не такую хорошую, как рассчитывал. Зато теперь о том проекте самые тёплые воспоминания: честное было место, поэтому очень быстро закрылось. Тогда Виктор впервые со всей очевидностью осознал, что российское правительство делает всё, чтобы успешно работать могли только полукриминальные организации.

Впервые снял квартиру, чтобы жить отдельно. Какая же это оказалась кабала. Но и свои преимущества нашлись.

С девчонками было встречаться гораздо проще. Однако, опять же водил к себе не самых лучших: лучшим сразу нужны гарантии серьёзных отношений, материальные блага, а Виктору просто запас нерастраченных сексуальных сил куда-то деть надо было. Тогда его чисто секс интересовал. А серьёзное – потом... может быть... наверное...

Однако, и это быстро утомило. Исчезла прелесть новизны. Для возбуждения требовалось какое-то заводное средство, вроде порнухи... Свобода тоже радости больше не доставляла. А что могло доставить радость – он не знал.

Вереница съёмных квартир, вереница девушек для секса, вереница мест работы... Из всех радостей – ноутбук посвежее, да мобильник посовременнее. Единственный раз смог накопить на поездку в Турцию. Впервые выехал за границу. Вашу мать, это же совсем другая жизнь!..

Впервые почувствовал какую-то свободу, и показалось, что просто так отдавать он её не собирался. Но и что делать с этой свободой – не ясно. Это оказался тот тип свободы, когда ты просто никому не нужен, а у самого нужды растут каждый день снежным комом.

Через 10 лет после выпуска, на встрече выпуска, хвастались какими-то явными успехами и семьями только те, кого сразу после учёбы устроили родители. А те, которые сами себе всё создавали, кто из деревень приехавший, а кто, как Виктор, просто без связей, как-то скромно жались в углах.

У большинства есть дети, но у многих уже нет семей. Почти ни у кого нет своего жилья. Почти все очень плохо выглядят: плохо одеты, плохие волосы, плохие зубы, грустные глаза.

И знаете, Виктор как-то успокоился. Среди этих несчастных людей он был не на самом дне. Повеселел! Это не он такое чмо, это норма!..

А из отремонтированного на спонсорские деньги корпуса на своих машинах уезжали современные студенты. А выпускники десятилетней давности уезжали на автобусах в съёмные квартиры.

С тех пор Виктор зажил более спокойно. Стал иногда бывать счастливым, несмотря ни на что. До этого был только загнанным, а тут стал бывать счастливым, даже с новыми навалившимися проблемами. И увидел, сколько вокруг несчастливых людей. Начиная с родителей. Они абсолютно несчастливые. И не позволяют быть счастливыми другим людям рядом с ними.

Несчастливы абсолютно все женщины от 26-ти до 45-ти лет. И максимально стараются делать несчастными окружающих. Малейшее проявление счастливой радости жестоко ими карается.

Несчастливы школьники, студенты, учителя, врачи, кондукторы в автобусах, продавцы в магазинах, ведущие на радио... Все. Счастливых – единицы. В основном, инвалиды, которые по весне начинают выходить из дома, подставляя бледные худые лица солнышку, и блаженно улыбаясь. Но и они очень быстро начинают брюзжать, что вёсны уже нынче не те.

Что из этого можно было рассказать? Что ответить на вопрос, «чем занимаешься по жизни?»? Но после молчания, вдруг решил. Этим людям, с которыми только что ели из одного котелка, можно сказать честно:

– Выживаю. Хватаюсь за всё, чтобы выжить... Тоска во всём просто смертная. Не знаю, куда себя деть.

– Заметно... – после паузы отозвался Анатолий, пока Виктор переживал облегчение от признания. – Исчерпывающий, конечно, рассказ, но эти несколько слов говорят гораздо больше, чем долгое хвастовство. Хочешь исправить это или будешь дальше самозабвенно тонуть в своей тоске?

– А как это можно исправить? – несколько обиделся Виктор. В ответ на признание он ожидал сочувствие. Они же ничего про него не знают!.. Сокровенным поделился, а его не жалеют. Но промелькнувшее чувство надежды на мгновенное решение всех его проблем опять привычно засветило внутри. Ему опять повезло: он встретил добрых волшебников, грубых, резких, но явно довольных этой жизнью, среди комаров, в мокрой одежде, которые сейчас исправят его жизнь.

– Долгой тяжёлой работой. Но зависит от желания: чем мощнее желание – тем проще исправить, – дежурной фразой ответил Анатолий.

– Долгой – это сколько дней? – чуть разочарованно проговорил Виктор. Хотелось поддеть этого напористого выскочку, которого никто не спрашивал, а он лезет в чужую жизнь.

– Долгая работа – это не про время. Хотя и про время тоже. Не один месяц трудов, похорошему. Долгой тебе жизнь покажется от объёма новых ощущений. Но ты явно не понимаешь, про что я, так? Так. Ладно, не отвечай сейчас. Просто знай: если **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕШЬ** – прямо об этом скажи. Будет тебе очень простой и подробный план действий, который ты сможешь выполнить только при большом желании. Не будет желания – ничего не изменишь. – Помолчав, Анатолий добавил: – Это уже избитые слова. Они утратили свой первоначальный глубокий смысл. Требуют специального понимания. Поэтому скажу, и заканчиваю, пока не спросишь сам: самые успешные люди – это люди, которым сильно надо в туалет. Никто из них не останавливается на половине пути. Они сами себя не успокаивают фразой «ну я поискал сортир, там не было...», а находят туалет там, где никогда бы не нашли, не разрывая их на части от желания пописать. В общем, если подопрёт – спрашивай.

– Да-да, я бы не отказывался от предложения Анатолия Ивановича, – вступил в разговор Александр Викторович. – Его курс весьма результативный, готов это подтвердить.

– И Аня может поучаствовать, тараканов погонять – задумчиво сказал Пётр.

– Тараканы – это было бы хорошо. Думаю, там явно куда более опасные твари пожрали всех тараканчиков – ответил Анатолий.

– А что делать надо? – спросил Виктор.

– Думать. Много думать, перестраивать мышление. Для разминки: вот сейчас после обеда копать начнём, попробуй понять, а что дальше? Каждую свою мысль, каждое действие развивай вопросом «что дальше?». Это первое, с чего надо начинать. Получится – можно будет двигаться дальше, извини за тавтологию – ответил Анатолий. Помолчал, допивая кофе и закончил, несколько ошарашив Виктора, но, видимо, не тронув за живое остальных: – А планируя и начиная любое действие, задавайся вопросами: «что делать с трупом?» и «как всё правильно рассказать?».

– Пора за труды? – спросил-скомандовал Александр Викторович.

– Пойдём – вставая, ответил тяжело моргнувший Пётр. Встал, потянулся, пропел, безжалостно коверкая мелодию оригинала – «День уткнулся в восток, на старте и слёг, поспать бы часок»...

– Я люблю спать. А спать любит меня – сбалагурил Анатолий, встал, тоже потянулся, и с надрывом всхлипнул – прости меня, спать, но я тебя бросаю на этой полянке!..

* * *

Шуршание лопат раздражало. Сказанное за обедом раздражало. Набор избитых банальных фраз. Что дальше? А что дальше? Да ничего. Копание земли, чтобы ничего не найти. Хотелось просто лечь и спать. А эти раздухарились, уже горы земли на края накидали. Если всё равно ничего здесь нет, так какая разница, где рыть землю?

– Копать. Только копать – назидательно сказал Александр Викторович. – Роют животные с пяточком, собачки разные, а мы землю копаем.

Да не всё ли равно? Ладно, не важно. А чем сами занимаетесь?

– Прямо сейчас науку двигаем вперёд. Это не шутка. Во время раскопок идёт накопление материала, который подвергается анализу, накапливается статистика, новые способы исследования. Вплоть до образцов ДНК наших предков. – Александр Викторович отвлечённо вёл лекцию, не отвечая на вопрос прямо. – Кем бы мы ни были в «большом мире», здесь мы проявляем свою истинную сущность. У всех она разная. Но у всех настоящая. Твоя сущность тоже проявится, когда втянешься в общее дело. Пока что, смотрю, тебя не вдохновляет наша работа.

– Это со многими так, поначалу – вставил Пётр. – А потом жить без этого не могут.

– Без чего? Без копания в грязи под дождём? – съязвил Виктор. От недосыпа, усталости настроение было отвратным. Не такой он дурак, чтобы вокруг него умничали недосказами.

– И без дождичков тоже... – согласился Пётр. – Есть некоторые иррациональные вещи, которые совершенно не годятся, как объект для понимания. Они просто есть. Не нужно их объяснять, а нужно просто оставить их в покое, знать, что это есть. Как блеск неизвестных звёзд на небе. Как любовь.

– Для объективных выводов нужен достаточный объём информации. Не торопись с оценками. Хотя бы неделю, – предложил Шеф.

– Готово! Материк! – крикнул Анатолий от дальнего шурфа.

– А что такое материк? – спросил Виктор, просто чтобы сменить тему. Надоело, что походя поучают всему подряд.

– Это песочек... основа под культурным слоем. Земля когда-то была лысая, песчаная. Потом стали расти травки, деревья, животинки появились, люди завелись. И всё это на древний песочек пластами накладывалось, образуя культурный слой, – разъяснил Шеф. – И вот мы выбираем этот культурный слой до «материка», до самого первого слоя, в котором уже ничего интересного для нас нет. Геологам – интересно, а археологам интересно то, что создано человеком.

... Итоговый шурф закончили в 5 вечера. По факту откопали 4 шурфа. Но по отчётам сделали 16. Фотографирование итогов работы производили «на 4 стороны»: каждый шурф с внесением небольших изменений фотографировали 4 раза. Такая технология позволяла избежать копания пустой пашни и более тщательно обследовать раскопы с материалами. Чтобы не было случайностей, на местах «виртуальных шурфов» делали добросовестные закопушки.

– Ну, вот, километр с лишним сегодня отработали, – удовлетворённо говорил на обратном пути Александр Викторович. – Это, конечно, формально нарушение, халтура, так сказать, но здравый смысл никто не отменял.

В лагерь вернулись засветло. До ужина успели помыть руки в специально нагретой воде, немного просушить одежду. Виктору торжественно, под настоящие, – не насмешливые – аплодисменты выдали персональную банку сгущёнки. Найденная им бронзовая уточка крайне заинтересовала всех. Это была единственная стоящая находка за весь день.

С трудом соображая, Виктор ловил за ужином обрывки разговоров, не понимая ни одной фразы. Каждое отдельное слово, вроде бы, было понятно, но всё вместе – сплошной бред.

– Я на хадж. Кому намаз совершить? – спрашивал толстоватый парень, Олег, кажется.

– Неси три куска! – ответили ему. Олег ушёл к началу стола, где стояло пятилитровое ведро майонеза. Нанесение майонеза на кусок хлеба называли «намаз». А чтобы совершить «намаз», требовался «хадж» к началу стола...

– Ты, главное, не вздумай сгущёнку в костёр бросать, – настойчиво говорил странное предупреждение человек с лицом похожим на кусок скомканного в шарик картона и очень быстрой чёткой речью. Мимикой он напоминал шимпанзе. Иначе как «Сергей Обезьяныч» к нему не обращались. – Это мы под Новгородом Великим копали, в девяносто восьмом, и был у нас один перец, которого занимала единственная идея: а что будет, если бросить в костёр банку сгущёнки? Сильно ли всех забрызгает? Как то утром отошли уже на раскоп, повариха в деревню за продуктами ушла, дежурные на реку посуду мыть. И вдруг на месте лагеря взрыв до неба! У всех, конечно, мысль: этот идиот всё же бросил в костёр сгущёнку, причём, похоже, сразу целый ящик. Он рядом стоит, глаза таращит. Говорит, не кидал ничего. Подошли к месту взрыва – а там яма метра три в диаметре и глубиной с метр. Все палатки сорваны, всё раскидано. Точно, что сгущёнка, даже ящик, так рвануть не могла. Оказывается, мы неделю жгли костёр на противотанковой мине времён войны, пока она не просохла. Военные на взрыв понаехали, ещё десяток разных мин вокруг нашли.

Игорь, сосед по палатке, сообщил за чаем, что послезавтра, 13-го августа, в пятницу, они дежурные. Повар поднимет их в 06.00.

– Так и сказала: подниму вас пораньше, чтобы вы успели совершить побольше глупостей за день.

Времени было половина девятого, ещё не стемнело, но больше на этот день у Виктора не было сил. С трудом переодевшись в палатке в «ночное платье», с огромным удовольствием он влез в такой удобный спальный мешок.

* * *

... – Время подъёма настало!.. Просыпаемся!.. Витя... Виктор. Виктор! Просыпайся!

Да ладно... только легли же. Болело всё: руки, ноги, спина... Виктор шевельнулся и понял, что лучше встать прямо сейчас. С вечера он выпил три кружки чая с мятными пряниками, но не дождался, пока чай выйдет с вечера. Уснул в полёте и спал всю ночь в одной позе. Верно говорят, для хорошего сна нет плохой постели. Сейчас же, утром, в холодном сыром воздухе его разрывало на части. Была реальная угроза обмочиться. Выглянув из палатки не нашёл свои сапоги, поэтому без спроса надел силиконовые тапочки Игоря. Скорее, скорее... а, чёрт, у туалета небольшая очередь. Не важно, чуть вглубь леса, под деревце, всё равно это

до первого дождя... Да-а-а-а... всё-таки счастье – понятие растяжимое. Рядом журчали Пётр и Алексей из палатки рядом.

– Скрестим струи на брудершафт? – предложил Алексей Петру.

– Только близко не подноси – предостерёг Пётр.

– Третьим буду – присоседился к этому странному развлечению зодчий скамеек по имени Миша.

– Витёк, а ты чё вчера слился? Сгущёнку зажал? – не отрываясь от развлечения, обратился к Виктору Алексей.

– Да нет. Спать хотел, устал, лёг пораньше – ответил Виктор через плечо. Он не ожидал от себя, что у него настолько большой мочевой пузырь, сколько же в него помещается.

– Да мы видели. Тебя Игоряха тряс, ты даже не мычал, как умер. Думали, заболел. Всё будили тебя, хотели дать снотворного – рассказывал Алексей.

– Зачем? – не понял Виктор. С утра голова не работала.

– А как ты хотел? Больной, проснитесь! Пора принять снотворное! Так же заболевших лечат. Но раз ты помер, мы твою сгущёнку сами сожрали. И сапоги твои пропили.

– Как сожрали? – напрягся Виктор. Он не помнил, куда дел полученную вчера награду, но почему-то стало жалко.

– Столовыми ложками! – уточнил Миша.

– Рано ещё, – произнёс Пётр. – Во всех смыслах. Не понимает человек ваших шуток с утра на третий день. – Обратившись к Виктору успокоил: – Ничего никто не жрал, не переживай. В палатку тебе отнесли сгущёнку, ты её на столе забыл. А сапоги Дядя Саша к костру пристроил, на просушку, а то ты вчера уже никакой был.

Такая внезапная забота от незнакомых людей удивила Виктора. Он молча вернулся к палатке. По пути вспомнился вчерашний пример Анатолия: «самые успешные люди те, которым надо в туалет...». А ведь в этом что-то есть. Что он там ещё умничал? Долго думать надо? Или от думания за несколько месяцев долго жить станешь? Что-то про долгую жизнь и думанье втирал. Надо будет спросить, пусть ещё раз скажет.

От палатки вернулся к костру за сапогами. Сапог вокруг костра было ещё много, не все обитатели лагеря обулись.

Катя, которую студенты-первокурсники Игорь, Олеся и Юля называли Екатерина Сергеевна, преподаватель конституционного права в университете, стояла на раздаче каши.

– Вы с Игорем в палатке? – спросила она Виктора. – Завтра ваша палатка с утра на дежурстве. Игорю я сообщила, вам говорю сейчас. Подниму в шесть утра.

Всё ещё туго соображая, преодолевая боль в руках и ногах, Виктор помрачнел. Очень не хотелось вставать так рано и сразу что-то делать. Не в армии же! От армии он старательно откосил, типа аллергия на куриные яйца, живот больной, голова не в порядке. Несколько раз в период призывов ложился в больницу с обострением гастрита, которое вызывал большими дозами аспирина на голодный желудок. В 28 лет получил военный билет с отметкой «ограниченно годен в военное время». Но радости не испытал. Тогда уже была мысль, что в армии может быть и не хуже, чем на гражданке. Но привычно боялся. А больше ленился. Вставать рано утром – это не для него. Здесь он для того, чтобы деньги зарабатывать, а не в 6 утра вставать, дежурить. Но спорить побоялся. Ладно, на Игоря побольше свалит, утром видно будет.

Завтрак, кофе, чай, сборы, и опять сразу после восьми утра вышли на шурфы.

– Ты завтра дежурный, тебе сказали? – уточнил дядя Саша.

– Да, сказали. А это обязательно? Я, вроде как, полевым рабочим ехал, а не на кухню.

– А ты и остаёшься полевым рабочим. Утром костёр, завтрак, сбор запасов, и с нами в поле. Что тебе весь день в пустом лагере делать?

– То есть у меня будет продлённый рабочий день? А это оплачивается?

– Ещё как оплачивается – с усмешкой почти в один голос выдали Пётр и Анатолий. – Это единственная возможность притырить вкусняшек, пока все спят.

– Но-но-но! – возмутился Александр Викторович, – никаких тут! Научите ещё плохому ребёнку. Ты, Виктор, не переживай, не переработаешь. Зарплату свою получишь, как положено, дежурства тоже учтены.

Некоторое время шли молча. За ночь воздух подсох, тучи стали посветлее. Сквозь облака даже чувствовалось солнечное тепло. Шли без карты, как по знакомому месту. Шеф, Анатолий и Пётр как будто каждый день здесь ходили, без карты и компаса, точно держась направления. Виктор узнал только вчерашние срубленные осинки. Весь остальной путь был для него новым.

– Баню ещё не ставим? Пока на реку ходим? – прервал молчание Пётр.

– Да нет, надо бы. Как раз что бы на День намыться, – неопределённо отозвался Шеф. – Давайте тогда сегодня и поставим вечером.

– Это нам ещё деревья на баню валить?! – удивился Виктор.

– Зачем? Просто ставится больша-а-ая такая палатка, в которой при соблюдении определённых правил можно запалить небольшой костерок, хорошенечко намыться.

– Две надо будет ставить, или одной обойдёмся? – уточнил Пётр.

– Я думаю, народ уже свой, одной хватит. Вторую просто некуда. Две недели назад в одной заводи на Кубенском озере совместно намывались, никого не смущало, – размышлял Шеф.

– Новичков, если что, второй партией, там сами разберутся – дополнил Анатолий.

– Ты как в общей бане себя ощущаешь? – повернул голову к Виктору Пётр.

До ответа Виктора влез с шуткой Анатолий:

– Я в баню не хожу: в мужской не интересно, в женскую не пускают, – засмеялись все.

– Н-не знаю... Не приходилось – растерялся Виктор. Перспектива мыться в группе мало-знакомых людей смущала... и в тоже время возбуждала. – Ну, это в плавках и купальниках?

– Кто как. В основном, без всего. Но это дело каждого. Тут, как говорится, не хочешь – давай, как хочешь; а хочешь – так давай! Если что смущает – будешь в группе тех, кто не признаёт общей помывки. Со святошей – засмеялся Пётр.

– Это с кем? – уточнил Виктор.

– Да есть тут один пассажир у нас, типа он глубоко верующий, всё такое, а сам такой грешник, слов нет. Молитвы перед каждой едой читает, постоянно долбит всех указанием о необходимости смирения и всепрощения, но если кто из женщин лишнюю пуговку расстегнёт – замумит рассказами о грехе и недопустимости плотских утех. Вроде умный мужик, доктор наук, биолог, а такой унылый зануда! Если бы он утром с нами коллективно писал – наверняка бы прочёл проповедь, какой же храм наше тело, и сколько соблазна даёт брeнная плоть, и как её необходимо укрощать.

– А вы его не подначивайте, он вам зудеть не будет, – посоветовал Шеф.

– Дядь Саш, ну как его не подначивать, если он реально бред несёт, когда кусок голой бабы выше колен видит? Давай признаем, что там явная психиатрия на сексуальной почве, – возразил Анатолий. – Да, знаний по предмету у него – не у каждого академика столько знаний. Но как можно в 65 лет быть таким ханжой при нормальной психике? И ты не путай объём знаний с нормами поведения...

– 65 лет? – удивился Виктор. Он не заметил ни одного пожилого человека за всё время.

– Да ему на вид лет 38–40. Не пьёт, не курит, постится. Лицо гладкое, спина прямая. Блюдёт своё тело человек. Говорит, грех большой разрушать то, что Богом дано – пояснил Шеф.

– Так и сексуальное влечение Богом дано. Хотел бы Бог иначе – создал бы людей другими, без причиндалов, – возразил Пётр.

– Ну, а по его теории это как раз дьявольская хитрость, получать удовольствие от секса, – стоял на стороне коллеги Шеф.

– И сказал Господь женщине: «Вот грудь тебе, соблазнять мужчин и вскармливать детей!»... «Охренеть!» – сказала женщина, – «Давай две!» – дополнил Анатолий разговор шуткой.

– Ага... «Разделил отец всё своё наследство между тремя сыновьями. «Охренеть!» – сказал четвёртый» – легко переключился на тему анекдотов Пётр.

В потоке речи Виктор выловил какой-то рассказ про блоху с астмой. Он уже слышал это в первый день... Попросил уточнить. Дядя Саша вежливым тоном повторил рассказ о блохе в лицах:

– Приходит, значит, такая заслуженная блоха в блошиный ЖЭК, ставит чемоданчик на пол и говорит: «Моя собака сдохла. Дайте мне другую жилплощадь». Ей говорят: «Есть свободные сантиметры на усах Иван-Ивановича. Пойдёте?». А чего не пойти? Берёт она, значит, ордер, чемоданчик и прыгает заселяется на усы Иван-Иваныча. Утром возвращается опять с чемоданом, недовольно так говорит: «Я не могу жить на усах Иван-Иваныча, он курит! А у меня астма! Дайте другое место!». Ей говорят: «Как раз появилось место на лобке Петра Петровича. Пойдёте?». Ну, туда, говорит, пойду, тем местом не курят. Утром как фурия влетает обратно в ЖЭК, швыряет чемодан в пол и орёт: «Я так не могу!!! Я засыпаю на лобке у Петра Петровича! А просыпаюсь на усах Иван-Иваныча!! А он курит!! А у меня астма!!!».

Следующие три километра леса Шеф, Анатолий и Пётр наперебой рассказывали анекдоты на самые разные темы. Виктор за всю жизнь столько не слышал. Его только удивило, как же легко его попутчики сменили тему. Мысль о том, что эти люди моются в общей бане и это для них норма, засела в голове очень крепко. Неужели и эта серьёзная Екатерина Сергеевна с Евгением Борисовичем будут со всеми вместе без всего?.. Это не могло быть правдой. Это какая-то фантазия, извращение. Что-то такое... ненормальное... но это же, вроде, нормальные люди...

– ... Когда мужчина полигамен – это нормально. Плохо, когда гомопопен! – сквозь смех прозвучал очередной анекдот в тему размышлений Виктора.

* * *

К обеду, к половине первого дня, успели сделать 3 фактических шурфа, которые на фото были отражены как 10.

– Не надо зарываться. Во всём должен быть здравый смысл. Даже в халтурном подходе, – просто вслух, ни к кому конкретно не обращаясь, изрёк Шеф.

– А почему этот лес называется пашней? Тут же тайга, считай, никакой трактор не пройдёт – задал Виктор мучавший его второй день вопрос.

– Диалектика, понимаешь. Дизъюнкция. Есть то, чего нет, а называется тем, чем не является. Асимметричный дуализм языкового знака. Ничто не тождественно самому себе. Название само по себе, а сущность вещей – сама по себе... – Дядя Саша произносил в ответ на вопрос бессмысленные слова тихим голосом, сосредоточившись на отрисовывании стенки шурфа. На лист фанеры он приколот лист миллиметровой бумаги и каждый шурф, кроме фотографирования, был ещё и срисован. Заметив удивлённое выражение лица Виктора, Александр Викторович разяснил нормальным языком: – Оставим философию. По всем документам здесь всё ещё пахотные земли. Ещё в девяностые годы недавнего для нас двадцатого века здесь было поле, стояли деревни. Но природа очень быстро возвращает себе то, что не возделывается человеком. За двадцать-тридцать лет здесь вырос весь этот лес. Но как лес он нигде не учтён. Этим часто пользуются браконьеры от власти... Так называемые «белые пятна леса». Деревья на пашнях вырубают без жалости, прибыль с продажи себе, но формально лесные угодья области никто не трогает. Вот поэтому мы и копаем пашню посреди леса. Привыкай. Мы живём в мире, где

всё имеет одно имя, а по факту имеет иную сущность. Как в анекдоте про смородину: «Это чёрная смородина? – Нет, красная. – А почему она белая? – Потому что зелёная».

Стало немного понятнее. И не только про пашню. На этом простом примере появилось куда более широкое понимание более сложных вещей. Сформулировать в слова это понимание Виктор не мог. Но чувствовал, что понял что-то большее.

За обедом Анатолий и Пётр продолжали какой-то давний разговор, рассказывали свои воспоминания.

Анатолий говорил о каких-то невероятных вещах, связанных с политикой, заграничными поездками, встречах с Путиным, работе в ГосДуме, дипломатических приёмах... Было невероятно, что этот небритый человек в грязных сапогах мог вообще где-то бывать. Что делает здесь? Как это, отдыхает? Отдыхают такие рассказчики где-нибудь за границей. А кто он вообще? По словам Дяди Саша выходило, что Анатолий представитель какого-то иного мира, автор учебных пособий, журналист, политолог, преподаватель философии, автор курса хорошей жизни, и вообще до чёртиков умный, фантастически успешный, хоть и ведёт себя как раздолбай, по большей части. Сейчас в очередной раз меняет направление деятельности...

Пётр настаивал, а Анатолий лениво отнекивался:

– Ты почему про свои косяки до сих пор книгу не пишешь? Послушать тебя – оборжаться и обрыдаться. Выписал бы на бумагу.

– Да ну, лень братья. Я был писателем, это очень тяжело.

– А про что писал?

– Научные книги. Статьи писал научные. Про поездки свои писал. Про других людей. Когда в инфоцентре трудился – каждый день что-то писал помногу. Журналист – это писатель каждый день про новое. А сейчас не хочу. Сейчас лень. Про прошлое не хочу, а текущее ещё не закончилось.

– Ну, так записывай что есть. Пока допишешь – как раз и текущие твои косяки закончатся.

– Нет. Так нельзя. Это будет плохая книга. Хорошая книга пишется с конца. Когда история завершена и понятна. А книги, которые пишут с начала, не зная, чем они закончатся – это плохие книги. Да и не хочу я опять от всяких дебилов, которые сами ничего не написали, но всегда знают, как надо было писать лучше, наставления слышать. «Наказы на будущее с учётом ошибок выявленных в текущей работе». Умники доморощенные! Всё им легко и просто, когда всё уже сделано. Я и сам потом часто видел, что многое можно было бы иначе написать и сделать, но ёлки-палки, когда идёшь в темноте и наощупь – это очень трудно. Глядя на пройденный путь, ты осматриваешь его как бы при включённом свете. Разумеется, кажется, что можно было бы идти к цели проще и правильнее. Но в момент движения света нет! Вот и не хочу я опять в эту тяжкую темноту с неизвестным завершением.

– Ты уже вон сколько бумаги понапачкал, и всё изнутри знаешь. Говорю тебе: сядь, прижми жопу к стулу, и напиши толковую книгу! Это же твоё! От себя бегать нельзя...

– В попытке убежать от себя я всегда показываю неплохое время, между прочим. Правда, результатов не добивался, это правда... Меня, в общем, никто никогда не держал. Все оставались на своих местах. Да я и сам понимал, что какое время не покажи, а окажешься там, откуда так резво стартанул... Зато время хорошее показываю... Не хочу я опять туда... Хочу, конечно, то есть чтобы излагать гладко, а писателем быть не хочу. Потому и не пишу.

Утомление третьего дня тяжёлой физической работы казалось Виктору непереносимым. Болели руки от лопаты, ладони, локти, плечи. Очень болела спина. От длинных переходов гудели и болели ноги. Он просто сидел и молча слушал, механически, почти не ощущая вкуса, поглощал пищу. Даже кофе Анатолия Ивановича не помогал. А Шеф, Анатолий и Пётр всё делились своими историями из прошлого. Какая-то давняя, вроде непримечательная история, участником которой оказался Анатолий, особенно интересовала Шефа и Петра. Они настой-

чиво требовали пересказать её прямо с самого начала, со всеми неприличными подробностями, поскольку со слов другой участницы событий, Юли, всё звучало как-то невероятно в смысле патриархального уклада маленьких городков. Анатолий вроде бы нехотя и издалека начал повествование.

* * *

– ... В августе 2000 года, когда во Франции разбился немецкий «Конкорд» и в Баренцевом море затонула лодка «Курск», мы копали в Кириллове, в самом Кирилло-Белозерском монастыре. Жили в общаге, в районе с народным названием «Обшара». В тот год я вдруг самостоятельно додумался до очевидного: минус демократии в том, что знакомство с властью имущими ничего не гарантирует, так как каждый может дойти до самого верха, как и с верха опять скатиться в самый низ; а вот симпатичный диктаторский режим с ограниченным доступом к телу диктатора и личным знакомством с диктатором – это большие возможности. Это понимание сильно врезалось в память, как добытое самостоятельно. Вслед за ним, как из водопада, вдруг стало пониматься всё подряд обо всём, что есть вокруг. Эти новые понимания я уже так ярко не запомнил. Теперь, когда я понимал, не нужно помнить – можно каждый раз понять заново.

– ... хороший был год в плане разврата. Помню, свои намерения в отношении Юли, которую увидел первый раз только в то утро, я обозначил однозначно, чем ошарашил даже её, не самую робкую девушку нашего факультета – Пётр понимающе хмыкнул и закивал. Девушка была далеко не робкая.

– ... мы ехали в Кириллов на УАЗе-будке. Можно было расположиться в этой самой будке на оборудовании и продуктах, но я, не говоря ни одного лишнего слова, сел вперёд, в кабину на правое кресло и почти насильно усадил Юлю себе на колени. Кирилл подавил в себе удивление и почти всю дорогу молчал. То есть говорил, но так, не по делу, почти что о погоде. (Хотя для археологов это важная тема). Юлю я держал в обнимку, регулярно тискал за её большую грудь, отчего она тоже была малость пришиблена, но не возражала.

Кирилл сразу уехал обратно в Вологду за «копающим составом». Нам дал получение отрисовать стенки монастыря. Особенно указал на разность окон, чтобы мы не механически копировали через равные промежутки первое отрисованное окно, а качественно и полноценно переносили на миллиметровую бумагу каждый сантиметр стен. Особо наказал: все работы выполнять в трезвом состоянии.

Мы даже не стали ждать, пока затихнет звук двигателя, а сразу нырнули под одеяло...

– ... Юлька – девка классная... – подтвердил Пётр, припоминая личный опыт общения с ней.

– ... Через сутки после указания, после отъезда Кирилла, когда из всей работы было выполнено только одно окно и сорок шесть сантиметров стены, в стенном каземате, среди непрекращающихся со вчерашнего вечера утех, я говорил Юле:

– Мы же трезвые, а Кирилл не говорил, что «никаких отношений, кроме деловых», значит, никаких инструкций мы не нарушаем. На рабочем месте, трезвые, и сроки окончания работ ещё не наступили. Всё путём...

В качестве ложа для утех на рабочем месте – на отрисовке внутренних стен монастыря – использовалась надувная резиновая лодка «Нырок-2». Мы с этого времени называли её «многофункциональной».

Из графика со своими утехами мы выбились основательно. Но доделали к приезду «шефа» и «копающего состава» все рисунки.

Общага, в которой мы жили – унылое одноэтажное деревянное здание с семью жилыми комнатами, принадлежит ПТУ, в котором обучали (не знаю, обучают ли сейчас) на поваров, механизаторов, прочие рабочие специальности. В здании не было водопровода и канализации,

воду носили из колонки во дворе, а туалет – дырка в полу в большой комнате в конце коридора. Кухня была с большой современной электро-плитой, дисковым телефоном (сейчас это кажется не принципиальным, но в двухтысячном наличие телефона было весьма важным обстоятельством), телевизором. Отопления не было даже печного – на зиму предусмотрены электрообогреватели.

Мы жили вместе с четверыми не уехавшими на лето учащимися ПТУ. Это были выпускники детского дома, дети, чьи родители были лишены родительских прав, в основном за пьянку. Им некуда было ехать. Эта общага до окончания ПТУ была их единственным домом.

Лица у всех четверых были страшные в своей тупости, с признаками дегенерации и вырождения. Все были с очень плохими зубами. В свои 17–18 лет они были явными хроническими алкоголиками.

Среди них была, как случайно выяснилось, одна девушка. В обычной ситуации на девушку она была похожа меньше всего: чисто по-мужски короткими злыми затяжками курит «Приму» и «Беломор», голос сипло-басовитый, какой бывает у давно и много пьющих людей, не здоровые волосы без причёски или хвостика до подбородка обрамляют мужицкое обветренное лицо. Ходит тяжело, враскоряку, руки всегда в карманах бесформенных штанов. Мат – обычная форма речи в быту.

Когда оказалось, что это девушка – она вышла на солнце в синем купальнике – я удивился, и потихоньку в шутку сказал Юле: «это не девушка, это – пьяный боцман на прогулке». Юля неожиданно долго смеялась такому сравнению. Оно ей почему-то понравилось. Никакой женской солидарности в тот момент между этими двумя разными девушками не было. С этого часа за девушкой-аборигеном так и закрепилось между нами прозвище «Боцман».

Ещё через пару дней я узнал, что эту грубую, некрасивую, пьющую и курящую, мужиковатую девушку зовут нежным именем Таня. До этого момента я просто не задумывался, как её могут звать. А когда узнал, внутренне ощутил, что такому существу вообще не может подойти ни одно женское имя. Наверное, она и сама это понимала, и была несчастна.

Через несколько дней мы с Юлей встретили «копающий состав» студентов на автобусной остановке: Кирилл ещё оставался в городе, доверяя руководство нам. Встреченных мы первым делом повели в общагу кормить. Среди приехавших было всего два парня. Студенты-девочки шли за нами по пыльной улице плотной притихшей кучей, а парни пили пиво, громко и бестолково матерились в воздух. Ольга потихоньку сказала мне, что Боцман рядом с ними просто золотой человек: хотя бы не шумит.

После приезда «копающего состава» нам с Юлькой больше не удалось уединиться. Все неизрасходованные ласки приходилось изливать на местных кошек. Возле «нашей» общаги был частный дом. У хозяев этого дома мы покупали молоко, и таскали ягоды с кустов смородины и малины. А ещё из этого дома к нам приходил и жил почти постоянно котёнок месяцев трёх-четырёх с очень длинной шерстью. На лето он сильно вылинял, и выглядел облезлым. Зимой он явно стал похож на меховой шар. Котёнок был худой, маленький, очень ласковый. Очень любил носиться и скакать по коридору общежития или по улице, как умеют только котята: выгнутая спина, распушённый хвост, загнутый набок и прыжки на прямых лапах. Сначала его называли «Гейзер» за внезапные вскакивания с места почти на метр, а потом «тык-дынский кот». Быстро имя сократилось до «Тык-Дын». Когда мы уезжали из общаги, почти все хотели забрать с собой этого чудного котёнка, но никто не забрал...

...При том, что я сам придерживаюсь очень широких взглядов на жизнь, ибо грешен как начинающий сатана, не был никогда ханжой или застенчивым, тогда же я испытал один из самых сильных шоков в своей жизни.

Юля в тот день осталась в монастыре присматривать за студентами на раскопе в тюремном дворе (где позже снимался фильм «Апостол»), Кирилл руководил вторым раскопом около Московской башни, а я пошёл в магазин за хлебом к обеду. Право расходовать командировоч-

ные наличные деньги, выделенные на проживание, доверяется не каждому. В магазине был перерыв как раз на обед и около дверей толпилось человек десять. И я среди них. Можно было пройти в магазин без перерыва «Зауломский», который иначе, как «заугловский» никто не называл, но это же целых пятьсот метров! Логичнее прождать пятнадцать минут, а не ходить десять. Жизнь в захолустье каждого подчиняет своим правилам: активные не приживаются. Я отошёл к кустам ежевики и в ожидании открытия начал её сосредоточенно объедать. Всё равно в Кириллове ежевика за ягоду не считается и никем не собирается. Так что на меня даже не посмотрели. Сквозь густые заросли я видел хозяев двора, чью ежевику объедал. Два мужика копались в огороде и отошли перекурить как раз к тем кустам, возле которых я старался не шуметь. То, что я услышал из их разговора до сих пор вызывает у меня шок.

– Батя, а зачем тебе такая молоденькая любовница?

– Чего?.. Ты чего, сынок, эт-сам, а?!.. Какая такая молоденькая?..

– Да ладно, батя, ну, чё ты? Я же ничё... – и после тягостной паузы – Дай её мне!..

Я подумал, что меня барабаном по башке шарахнули. Но уже не мог уйти, не дослушав.

Мне, конечно, было уже совсем не интересно, но всё же...

– А?.. Котора?.. Ты чего, Андрюха, сдурел?.. Ты чего? А?..

– Да не бойся ты, батя. Мы мамке скажем, что это моя девка, а ты с ней тоже будешь.

Только ты скажи ей сам, а то я стесняюсь сам подойти.

– Ты чего, Андрюха? Эт-сам, котора? А?..

Отец что-то ещё бормотал, а сын Андрей отвечал. За это время они докурили, и опять пошли в огород. Чем закончился разговор – я не знал. Через пару недель опять ждал открытия этого магазина с обеда, так же объедаю ежевику. В пределах моей слышимости разговаривали две обабившиеся тётки. Одна с низким глухим басом, вторая с визгливым пронзительным голосом.

– Паршивый народ эти мужики!.. Вон соседи мои, – указала на огород, в котором я слышал разговор, – молодой да старый, два сапога парочка!.. Старый завёл себе молодуху, а молодой покрывает его от матери, и за то сам с ней спит, за свою выдаёт! И молодая хороша! С обоими живёт не по разу в день, бесстыжая, дак!..

«Хорошо, что рядом монастырь» – думал я. Да ещё такой мощный. А внутри монастыря есть «Святые ворота». Проходящий под этой аркой человек, по словам монахов, очищается от какой-то части своих грехов. Поэтому много под ними ходить нельзя, а то безгрешным станешь и воспаришь. А так грехи на земле держат. Видимо, окрестные жители не по разу в день под этими воротами ходят, раз под тяжестью грехов до сих пор не провалились под землю...

* * *

– Вот Святоша на тебя и взелся за это! Во-первых, ты этих сирот осуждаешь, себя лучше считаешь. Считаешь, считаешь. А во-вторых, нельзя без покаяния в Святые ворота входить, а тут явно никто не каялся, – высказал свой взгляд на событие Шеф.

– Он взелся в целом, что я сам, грешник злостный, с ним по одной земле хожу, да монастырь своим присутствием осквернил. Блин, а то, что там туристы толпами ходят непонятно какие – это нормально. Они же на благо монастыря взносы делают. Он Юльке в десятом году за купание ночью голышом в Сиверском озере весь мозг съел. Главное, стоял и ждал полчаса, пока она вылезет, а потом начал гундеть, какой это грех неприкрытой показываться. Уже сколько лет при каждой встрече не даёт ей прохода своими проповедями, мол, грешница она, развратница. А она нормальная. Просто нормальная. Да, без стеснения, но совершенно нормальная. Да ну его! – отозвался Анатолий.

– Мы турикам кусочки замытой керамики продавали из раскопа, когда копали в монастыре, – рассказал Пётр.

– Монахи крестными ходами вокруг раскопа не ходили? У нас постоянно с хоругвями да иконами кругами ходили, молитвы распевали – припомнил Анатолий.

– У нас монахи постоянно к обеду подгадывали, чтобы чищенную картошку выпросить, – вспомнил Пётр. – Помнишь, дядь Саш? На двенадцать человек за неделю два мешка ушло. Это когда в кельях жили. А это монахи да послушники подгадывали, к девочкам-дежурным подходили в тот момент, когда картошки уже начищено изрядно. И так уверено набирали себе, как будто их кто звал.

– Да, ругались мы с ними тогда по этому поводу... – согласился Александр Викторович.

... После этого отвлеклись на другие темы: с иностранных туристов на международные отношения и опыт личных поездок.

Виктор слушал со всё возрастающим недоверием. Это было действительно что-то из другого мира. Его мир Интернета, а в последнее время игр сутками напролёт, был совершенно иным. Ему было неизвестно ничего из того, о чём говорили эти люди. Единственным ярким воспоминанием из его прошлого была поездка в Турцию на 7 дней несколько лет назад... А здесь люди собственную страну на два метра вглубь изучили и за границей в нескольких странах побывали. Особенно этот Анатолий часто упоминал то одну страну, то другую...

– Хорошо так сидеть... – начал Александр Викторович, но его перебил Анатолий:

– ... а полежать будет ещё лучше! – и откинулся на лежащий сзади рюкзак.

– Не поспоришь... Умеешь ты быть убедительным. Ладно, лежим до двух часов, десять минуточек, – Александр Викторович лёг прямо на траву.

Пётр и Виктор последовали их примеру.

* * *

Сон был странный. По бархатному чёрному небу правильными кругами летали мигающие звёзды, а он всё пытался найти в этом систему...

– Встаём, встаём. Витя! Ротаподъёо-о-ом! – Анатолий тряс Виктора за плечо. – Здоров ты, братан, в секунду намертво засыпать.

Виктор с трудом выплывал из сна. Но не шевелился. Как будто давал себе возможность уснуть заново. Всё болело от работы.

– Утром в постели надо вести себя очень осторожно: одно неосторожное моргание – и ты крепко спишь. Встаём.

Виктор всё же сумел открыть глаза. Остальные уже собирались идти к следующей засечке, чтобы либо сделать там шурф, либо добросовестную закопушку.

– А давайте ещё поспим. Реально рубит – сил нет, – всё ещё лёжа предложил Виктор.

– Тебе хочется домой? – спросил Шеф. – Там можно спать сколько угодно, никто не помешает.

Опять этот шантаж. Виктор нехотя встал, с трудом стал собираться. Голова была горячая и тяжёлая.

– Это несправедливо, так тяжело работать – выдал Виктор с обидой.

– Справедливость есть только в одном месте – в словаре на букву «с»! – пошутил Анатолий и серьёзно продолжил – А вообще это правда, несправедливо. Военные лётчики в Сирии получают за день боевого вылета столько же, сколько ты здесь за день безопасного копания земли. А их там бармалеи сбивают. Поэтому не ной. И без шуток: не прекратишь тоску нагонять – тебя будут звать «Кислый». Не самое лучшее прозвище. А чтобы не киснуть – надо квасить.

– А у тебя какое прозвище?

– Я – «Ёж». Дядя Саша – «Шеф». Петруха – так и есть «Петруха».

– Ну, «Ежом» ты не всегда был. Помню я твоё древесное прозвище начала двухтысячных «Баобаб», «Бабоукладчик», – напомнил Пётр.

– Приятно вспомнить – расплылся в улыбке Анатолий. – Да-а-а... Было время!.. В две тысячи четвёртом за сезон всех переложил, даже «Кису».

– Да ну?! – удивился Шеф, – Вот это ты тут врешь!.. Она как раз в две тысячи четвёртом замуж выходила.

– Ну, так! Замуж третий раз осенью выходила, а в мае в разведках всё у нас и было, – пояснил Анатолий. – Причём на тот период у неё никого не было. Стремительно как-то она себе мужа нашла после меня.

– Она же старше тебя, как ты смог? – продолжал сомневаться Шеф.

– Тогда ей было тридцать девять, самый сок. Это сейчас она уже вид потеряла, на исходе шестого десятка, а тогда всё будьте-нате было!

– Что же мы уже такие старые?.. – вдруг с грустью спросил Пётр. – Сейчас то «Киса» замужем?

– Да, знаешь, счастливо у них всё в этом браке... – сообщил дядя Саша.

– Была у меня такая подруга, – проговорил на улыбке Пётр. – Встречались по принципу «только секс и ничего личного», никаких лишних разговоров. Пару раз в неделю трахались у неё дома. И, значит, во вторник с ней переспали, в четверг ей звоню, мол, какие планы на субботу. А она такая: «Ты чё, с ума сошёл? У меня в субботу свадьба!».

Рассказ об этом событии звучал явно не впервые, поэтому только Виктор слушал с интересом. Остальные просто вежливо ждали окончания.

– Молодец Киса... А я всё ещё в графе «семейное положение» так и пишу: «безвыходное», – с какой-то грустью пошутил Анатолий.

– А кто эта «Киса»? – заинтересовался Виктор.

– Преподавательница наша. Очень строгая тётка. Но женщина хорошая.

– И что, ты вот так и переспал с профессоршей? – Виктора позабавила ситуация.

– Ага... Правда, к тому времени я уже отучился, она мне всё пересдачи устраивала, чуть не отчислила, так что я её сильно не любил на учёбе. А потом у костра как-то разговорились, вспоминать стали, поржали. Так что тут всё в рамках приличия было. Но дело не в этом, а в том, что ты слишком кислый вид имеешь, обрати внимание, – закрыл тему Анатолий.

* * *

Работу завершили после пяти вечера.

– Всего у нас два километра триста метров отработано, тридцать четыре шурфа. Пока что в графике идём, но без задела, – сообщил на обратном пути дядя Саша.

Воздух к вечеру стал холодным и влажным. Тучи весь день то истончались, то темнели. Рои комаров и паутов звенели постоянно.

– Сейчас ускоримся в дороге, баньку возведём до ужина – напомнил Александр Викторович.

– Давай по дороге дрова заметим, а то баня все запасы поест, – предложил Анатолий.

– Основной дровожор, как всегда, это День. Чем отмечать будете? – поинтересовался Шеф.

– Чаем, пряниками и барабанным боем! А что, чем-то ещё можно? – улыбнулся Пётр.

В лагерь пришли около шести вечера. С других раскопов ещё никого не было, только Катя в четырёх вёдрах варила ужин.

– О, мужики!.. Ко мне все четверо шагом марш!.. Оперативно колем мне дрова, а то всё колотое кончилось, хворостом перебиваюсь.

Виктора такой приказной тон всколыхнул, но попутчики послушно взялись за исполнение приказа.

– Давай с нами, не стесняйся, – позвал Анатолий. – Вчетвером мы каждый по два полешка расколем, и дров хватит до утра. Это пара минут всего, а нужно всем нам.

Виктор взял в руки топор, но дядя Саша отобрал топор и дал в руки какую-то заточенную кувалду.

– Дрова колоть только колуном!..

Троица в несколько движений наколола уже гору дров. Виктор неумело размочалил полено, но сумел расколоть его на 4 части.

– Отбой колоть, пошли баню ставить, – распорядился Шеф.

– О, банька! Я первая! Так, не уходим, тащим воду для бани, пока дров много! – Катя быстрым шагом ушла в хозяйственную палатку, вернулась с шестью закопчёнными вёдрами, протянула их стоящему около кучи дров Виктору. Трое попутчиков уже пошли за жердями для бани.

Виктор в три ходки принёс шесть вёдер воды из источника. Пришли ещё две группы с раскопов, лагерь наполнялся людьми и голосами. Несколько человек пошли помогать ставить банную палатку.

Катя указала, куда вешать вёдра с водой. На перекладине над костром висели несколько S-образных крючьев из арматуры. На них было очень удобно вешать вёдра.

К семи часам, к ужину, большая палатка стояла в отдалении, а обитатели лагеря радовались возможности помыться в тепле и горячей воде.

– Сегодня все не успеют... Хотя ещё не холодно, можно и рядышком. Если воды достаточно будет – размышлял рядом Обезьяныч. – Ты завтра дежурный? С вечера дров до неба наколоть надо, воды во все бидоны и вёдра натаскать. А то теперь с помывками всё время дефицит будет...

Ужинали быстро, ссорились из-за своей очереди в баню, торопились успеть пораньше.

– В банной палатке за раз комфортно шесть человек помещаются. Если тесниться – то восемь. Но сегодня ещё не тот вариант, ещё не намёрзлись, – разглагольствовал Миша, сидя напротив.

Сегодняшний вечер Виктор воспринимал как нормальный. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что его перестало всё вокруг пугать. Глина под ногами, туалет с комарами, полное отсутствие каких-то условностей – всё это стало просто окружающим миром.

А ещё всё вокруг было настоящим, честным. Слова, поведение, обсуждения, отношения друг с другом – всё настоящее. Никто не старался казаться лучше, не строил из себя кого-то, кем не являлся. Это было невероятно. Совершенно непривычно. За всю жизнь он с таким ни разу не сталкивался. Начиная с детского сада всё вокруг было не настоящим, придуманным, искусственным. Всегда были какие-то ограничения, условности, формальности, всегда нужно было делать и говорить что-то не настоящее.

В скомканном, некрасивом лице Сергея Обезьяныча в отсвете костра Виктор вдруг увидел огромный ум. Это было лицо учёного, мыслителя, философа. Виктор поразился этому открытию.

В лице красавца Михаила увидел огромное страдание. Это был глубоко несчастный человек, которому не больше двадцати пяти, но было что-то мёртвое в его взгляде, тоска в едва намеченных складках на лбу.

– Он больше года воевал с нацистами на Донбассе, в самые сложные периоды пятнадцатого-шестнадцатого года. Добровольцем ездил. Теперь его могут выдать Украине, – тихонько грудным голосом сказала сидящая рядом Аня, увидев, что Виктор всматривается в Михаила. – Не спрашивай его ни о чём.

Виктор посмотрел на Аню. Красивая молодая женщина неясного возраста с сильными чертами лица, уверенным взглядом, вежливым выражением лица, очень напоминала серую гладкошёрстную кошку. Аня посмотрела в ответ.

– Привыкаешь? Вид у тебя кислый. Чтобы не киснуть – надо квасить – размеренно, спокойно проговорила Аня. Поговору и манерам она была явно из большого города.

– Да, я уже про это слышал – Виктор хмыкнул. Что на это отвечать – не понятно. Жаловаться на трудность девушке – неловко. Сказать, что всё хорошо – глупо, она же видит, что не всё. «Ай, гори оно всё конём!» – решил он про себя и сказал правду, от которой вдруг внутри стало пусто – Не знаю, как ответить. Не привык! Не знаю! – на последних словах он дёрнул плечами и чуть притопнул пяткой. Аня это увидела и после паузы согласилась.

– Хорошо, не отвечай. Если что-то нужно будет узнать – спрашивай. Обо всём. Со мной можно говорить обо всём. Я всё пойму, всё прошу. – Аня замолчала и просто повернулась к костру.

Этот тихий спокойный разговор вызвал внутри у Виктора множество самых непонятных чувств, которых раньше он не испытывал. От рефлексии его отвлекли громкие голоса людей, шедших от бани. Шесть человек, мужчины, женщины. И Виктор решился. Голос предательски дрогнул, рот наполнился слюной.

– Аня, а это нормально вот так всем вместе в одной бане мыться? Голыми!.. – закончил он с нажимом.

– Тебя беспокоит чужое голое тело или собственное? – Аня повернулась и спокойно, как о еде, спросила Виктора. Звучало это как «тебе на второе что класть, гречу или перловку?».

– Н-н-ну-у, вообще!.. Н-н-не знаю! Это нормально? – растерялся Виктор.

– Нормы, как математического понятия, не существует. В каждом обществе, в каждой группе людей есть свои понятия о норме, в соответствии с уровнем культурного развития. В современном мире, практически во всех обществах, принято носить трусы. Но некоторые группы людей находятся на той стадии развития, когда трусы они носят на голове. Так же важна личная культура, личное развитие человека, его адекватность обстоятельствам. Трудно требовать от подростка удерживать эрекцию при виде голы женщины любого возраста: там гормоны управляют сознанием. Но взрослый мужчина заглядывающий женщине за пазуху при любом удобном случае – это уже отклонение. Этим он выражает неуважение к женщине, которую видит только как сексуальный объект; показывает собственную неудовлетворённость; низкий уровень развития. То же относится к страсти совать в лицо окружающим свою половую принадлежность. Это – есть. У женщин есть грудь, у мужчин есть член. Люди так устроены. Летом на пляже на фактически голых людях навязаны формальные полоски ткани, которые по сути ничего не скрывают. Но вряд ли у кого-то из нормальных людей возникает вопрос, а нормально ли купаться вместе голым людям в море? При отсутствии этих полосок ткани вдруг просыпается вбитый в сознание до костного хруста стыд. Это нерациональный стыд. Его вбивают в сознание, чтобы человеком можно было управлять. Твой вопрос показывает, что и тебя воспитывали в традиционных ханжеских правилах. Теперь ещё раз спрошу: тебя беспокоит чужое голое тело или собственное?

Виктор готов был провалиться. Эти рассуждения о голом теле от незнакомой красивой женщины вызывали жгучий стыд. Но не мог возразить. Внутри было плохо.

– Я не знаю – хрипло ответил он.

– Таким тебя оставлять нельзя... Перепахало тебя внутри... – Аня внимательно посмотрела на Виктора, огляделась. Рядом никого не было. Она обошла стол и села напротив. – Давай поговорим. Первое: всё как прежде. Мир на месте. С тобой всё в порядке. Ты можешь это повторить?

Виктор не мог разжать рта. Желваки помимо воли сжимали челюсти, внутри было холодно.

– Просто скажи мне: всё в порядке – Аня спокойным тихим голосом повторила указание. – Можешь закрыть глаза. Можешь сжаться, если очень хочется. И скажи: всё в порядке.

Виктор пригнул голову к самому столу и произнёс с усилием:

– Всё в порядке...

– Мир вокруг прежний. Повтори.

– Мир тот же самый – творчески повторил Виктор.

– Хорошо. Мы с тобой не с того начали. Но хорошо, что ты спросил. Это правильное действие. Раз мы начали, давай продолжать. Что тебя беспокоит в ситуации, когда люди моются совместно? Скажи это сам.

– Ну, это не правильно. Есть же правила... Почему тогда все голые не ходят?.. – Аня молча слушала. К Виктору возвращалась способность говорить. – Ну, вот, как потом? У них могут быть семьи. Потом вообще как друг на друга смотреть? Есть же приличия! Я не знаю!.. – Аня молча внимала, иногда кивая.

– Хорошо. Волнение понятно. В баню никто никого не заставляет идти в группе. Каждый идёт сам, строго по желанию. Можно спокойно помыться в одиночку после всех. Второе. Люди, которые идут вместе, осознают, что и дальше им вместе работать, жить рядом. Кроме того, общий уровень культуры позволяет видеть нечто большее, чем просто голого человека рядом. Взаимное сексуальное влечение мужчин и женщин – это норма. Только зачем ждать похода в баню, чтобы его проявить? Люди здесь зрелые, способны сказать друг другу о своих желаниях и в одежде. Себя и окружающих воспринимают адекватно ситуации: все мы не совершенны, все мы просто люди. У кого-то попа толще, у кого-то рёбра торчат. Это просто есть. Акцентировать на этом внимание незачем. Люди такие, какие есть. Изменяется только то, что их могут увидеть без одежды. От этого никто не меняется. Ни смотрящий, ни тот, на кого посмотрели. Если же кто-то стесняется собственного голого тела – это уже серьёзный вопрос: почему? Другого тела всё равно нет. Делать со своим телом что-то для искусственного украшения – это провоцировать суицидальное поведение. Ты к себе, такому, какой ты есть, относишься хорошо?

– Да – несколько насторожено ответил Виктор. Аня молчала. – Ну, да, я такой, какой есть, мне пофигу, пусть смотрят.

– Хорошо. А что тебя беспокоит в других?

– Ну-у-у, не знаю... Увидит кто-то...

– Ты увидишь. Допустим, меня. Что-то изменится во мне или в тебе?

– Д-д-да нет, не изменится.

– То есть не важно, смотрим мы на этот стол или не смотрим, он не меняется. Смотрим мы друг на друга в одежде и без – ничего не меняется. Так?

– Не знаю. Без одежды... Отношение меняется... Это как-то личное... Не знаю.

– Вот. Это хорошо. Это важно. Что-то личное. Это очень хорошо! Ты понимаешь, что человек – это личность с правом на уединение. Но если люди не уединяются, понимают всё, что ты сказал, открываются друг другу – то мир всё равно остаётся прежним. Я не пропагандирую нудизм. Ни разу. Ни в коем случае. Я с тобой согласна, это личное. Но болезненно воспринимать эту ситуацию нельзя. В первую очередь для себя. Ты можешь сам решать, ходить тебе в общей группе, только в мужской, или индивидуально. Но переживать за других, как им быть – предоставь другим. Итак, мир прежний, с тобой всё в порядке, всё на своих местах. Повтори.

– Мир на своём месте, я в порядке, всё как прежде – довольно легко повторил Виктор.

– Теперь, чтобы это новое ощущение закрепить, тебе нужно идти. В любое другое место. Тебе сейчас нужно растянуть сжатые мышцы. Пройдись. Наверное, это не последний наш разговор. Этот мы провели довольно скомканно, поэтому ещё поговорим.

– А ты откуда это всё знаешь?

– Знаю... Это моя работа. – Аня тоже встала, по-доброму улыбнулась, ровной твёрдой походкой пошла к палаткам.

* * *

Виктор пошёл в туалет. Это был самый длинный из возможных путей для прогулки, да и после ужина чай уже подпирал.

Когда он вернулся, у стола запускали «гену» – бензогенератор для зарядки телефонов, ноутбуков, планшетов. На столе громоздилась невероятная куча техники и проводов от удлинителей. Свою технику Виктор оставил в городе, у родителей. Всё равно телефон временно заблокирован за неоплату, а для компьютера здесь нет интернета достаточной скорости. Да и кто ему мог звонить? Только родителям сообщил, что поехал на несколько недель в лес на заработки, землю копать. Связи там не будет. Про то, что просто негде будет подзарядиться – как-то не подумал. А его недорогой смартфон требовал подзарядки 2–3 раза в день.

Катя подошла к бесцельно идущему Виктору в тот момент, когда он для себя решал: ещё чаю с пряником выпить или уже спать?

– Виктор, ты запасы дров видел? Утром некогда будет по лесу ходить, искать. Бери Игоря и давайте за дровами на утро, пока не стемнело. Ещё мужиков возьми из не помытых, чтобы на баню себе дров принесли. За водой я прослежу, помытые наносят. Да, не забудь несколько сухих полешек в палатку положить, чтобы утром с сырыми дровами не возиться.

Сказано это было как само собой разумеющееся. Сказала и отошла. А он теперь думай. Где искать Игоря? Как отличить помытых от не помытых? Куда идти за дровами? Повторялась ситуация первого дня. Опять неожиданное бессилие. А уже темнеет...

– Виктор-батькыч, чего это у тебя такой вид потерянный? – прозвучал голос Анатолия.

– Да блин! Дрова нужны!.. – как сумел сформулировал Виктор своё смятение.

– Нужны... – согласился Анатолий. – А чего не таскаешь? Где твой второй дежурный?

Вы же вдвоём в палатке?

– Не знаю, не вижу его – покрутил головой Виктор. На глаза попались женщина с мокрой головой, которая у костра сушила короткие волосы то одной стороной, то другой. Сразу всколыхнулось волнение, что она была в банной палатке с другими... мужиками... И сам себя успокоил: это же её дело... Она сама знает... Но всё равно было неуютно.

– А звать не пробовал? Как зовут твоего сопалатника?

– Игорь – отвлёкся от переживаний Виктор.

– И-и-иго-о-орь!!! – заорал неожиданно Анатолий.

– Я тут! – отозвался Игорь от хозяйственной палатки.

– Дрова, вода на утро нужны. Виктор в ауте. Ты за главного. Командуй! – распорядился Анатолий.

– Где я? – не понял Виктор.

– В ауте. Растерянности. В облаках. Нужен реальный командир. Сейчас ты по каким-то причинам командовать не можешь. А без командира никак. Так что подчиняйся тому, кто осознаёт реальность.

– Катя ещё сказала не мытых мужиков набрать, чтобы себе для бани дров и воды набрали... – легко переложил поручение Виктор.

– Дык вперёд! Этого ты тоже сделать не можешь? Или кто-то тебе это должен?

– Я не знаю... А где они?

– Ты что, в одиночной камере жизнь провёл? Так же оглашаешь распоряжение, спрашиваешь каждого, если надо. Тут народ нормальный, отзовутся. Или тоже Игорю поручим?

– Давай поручим – согласился Виктор с облегчением.

– Поручай... – озадачил его Анатолий.

– А-а-а... как?

– Действительно... а как это возможно? Мне уже прямо интересно, какой способ для этого ты избере́шь – откровенно насмеялся Анатолий.

От бани с весёлым гомоном шли ещё несколько человек, а им навстречу шла смена.

– Дрова тащите! – прозвучал от бани голос.

– Нету больше! – отозвались от костра.

– Да вы охренели! – прозвучало утверждение от бани. – Сожгли всё, а нам что? Тащите, мы уже голые тут, нас комары сожрут! И холодно! А обидно как! И вообще! У меня возмущение кончается с вашими дровами!

– Где дежурные на утро? Вы чего не командуете? Ваша задача следить за наличием дров с вечера. Темнеет уже! Давай быстрее организовывайте! – отчитали дежурных в несколько голосов от костра.

Несколько фигур одновременно с позвякиванием начали разбирать топоры.

– Ты, Витя, прямо как чиновник, который ничего не делает сам, потому что знает, что если ничего не делать, то девять из десяти проблем со временем потеряют актуальность, а десятую всё равно никакими силами не решишь... Ну, пойдём, в добрых фей поиграем в ночном лесу, – направился к топорам Анатолий. Игорь был уже среди дровосеков, а Виктор всё ещё пребывал в ступоре. С усилием пошёл за топором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.